

СЕРАЯ ЗОНА

РОМАН¹

11

Проводив Рона, Макс и Эсти вышли к паркингу аэропорта, сели в машину и выехали на четвёртый автобан, ведущий в город.

– Мне что-то не хочется в гостиницу, – сказала Эсти. – Где здесь можно провести вечер, посидеть, поболтать?

– Лучшее место Гринцинг, на севере Вены. Очень уютный район, излюбленное место туристов.

– Поехали.

Они пересекли город и въехали в район узких улочек, уютных ресторанчиков, сувенирных лавок. Жизнь здесь кипела. Побродив немного, зашли в большой огороженный двор. Прямо под открытым небом стояли длинные деревянные столы и скамейки. На столах лежали меню. Еда была простая, а выбор блюд невелик. Официантка в традиционной национальной одежде сразу же принесла бутылку вина и приняла заказ.

– Такие рестораны называются «херрингер», – сказал Макс. – У них любопытная история. Когда-то, в послефеодальные времена крестьяне-арендаторы имели право, после расчёта с землевладельцем, продавать у себя на дому излишки вина собственного изготовления и подавать к нему нехитрую закуску, включавшую подсолённую рыбу («херринг»). Так возникли эти дворовые ресторанчики. Традиция сохранилась до наших дней. Правда, сейчас владельцы «херрингеров» уже не крестьяне и открыты они круглый год, а не только в конце винодельческого сезона.

– Как странно, – сказала Эсти, – я ведь родилась в Вене, здесь прошло моё детство. Но ничего не помню. Совершенно чужой город. А что для тебя Вена? Считаешь ли ты её своей родиной?

– У меня сложное чувство. Географически это, конечно, родина. Но не более. Я здесь работаю, здесь мой дом. Кстати, совсем недалеко отсюда, пятнадцать минут езды. Вон там, за Венским лесом, – Макс показал рукой направление. – Но часто и подолгу бываю в отъезде. А вообще-то Вену, да и Австрию в целом, мне трудно считать родиной в том смысле, который обычно вкладывают в это слово. Я имею в виду духовную связь, историю, традиции. Но город этот люблю, хорошо его знаю. И люблю возвращаться в него после долгого отсутствия.

– Мне кажется, я понимаю тебя. Для нас, австрийских евреев, понятие родины утратило свой прежний духовный и эмоциональный смысл. Знаешь, Макс, в эти дни я думала о тебе и задавала вопрос – почему ты здесь остался? Ведь очень многие из тех, кто уцелел, уехали. Наверное, большинство...

---

¹ Окончание. Начало см. в №№ 8, 9, 10.

– Так сложилось. Кто-то всегда остаётся. Но я не жалею. У меня всё хорошо, всё нормально. Не чувствую дискомфорта .

– А почему ты один?

– Ответ такой же, – Макс улыбнулся. – Так сложилось.

– Хочу посмотреть, как ты живёшь. Посидим немного и поедим к тебе. Не возражаешь?

– Буду рад показать дорогой сестре своё скромное холостяцкое жилище.

– Сестре? Не такие уж мы близкие родственники, чтобы ты видел во мне только сестру. Second cousin seven times removed². Вот кто мы такие, – Эсти улыбнулась и дотронулась пальцами до его щеки.

– Дома я покажу тебе один документ, и ты увидишь, как мы близки.

– Документ? Какой может быть документ? Я сгораю от нетерпения. Давай поедем прямо сейчас. Не хочу есть эти сардельки с капустой.

Макс расплатился за вино, отменил заказ и они поехали в Вейдлинг по Гауптштрассе, пересекающей Венский лес. Спустя пятнадцать минут подъехали к небольшой двухэтажной вилле. Они вошли в дом, и Эсти сразу же принялась обходить комнаты.

– Недурно для холостяцкого жилища. И потом – такой порядок. Кто у тебя убирает?

– Приходит женщина два раза в неделю. Да я и сам поддерживаю чистоту. Не люблю беспорядок.

Эсти удобно устроилась на диване, подобрала ноги и расстегнула несколько пуговиц на платье. Получилось глубокое декольте, открывшее соблазнительную ложбинку.

– Ну, милый братец, что мы будем пить?

– Что желает дорогая сестрица?

– Сестрица желает коньяк и фрукты.

– «Хенесси» годится?

– О! Название слышала, но никогда не пробовала.

Макс открыл бар и вынул бутылку. Затем помыл фрукты, нарезал лимон и поставил всё это на журнальный столик около дивана.

– Давай немного выпьем, а потом ты покажешь мне документ, ради которого я пожертвовала этим деликатесом – сардельками с капустой, – Эсти улыбнулась.

Макс налил коньяк в невысокие плоскостонные бокалы.

– Как жаль, что мы уже на «ты», – сказала Эсти. – А то бы выпили на брудершафт. Впрочем, одно другому не мешает. Давай поцелуемся. Садись рядом.

Поцелуй получился не вполне родственный...

– Ну, показывай что обещал, – сказала Эсти.

Макс принёс рулон ватмана и развернул его на столе.

– Посмотри этот рисунок. Хотя ты видишь его впервые, но, думаю, легко разберёшься, – сказал он.

Эсти стала внимательно разглядывать генеалогическое древо. Лицо её сделалось серьёзным. Выражение игривости сменилось печальной задумчивостью.

– Боже мой, такая большая семья. Даже две семьи. Адлеров я почти не знаю. Но Ландау – это же мои родственники, самые близкие люди. И только мы с тобой остались. Кто-то ещё, кажется, живёт в Канаде. Теперь это как засохшее дерево, на котором чудом сохранились два зелёных листочка, ты и я, – говоря это, Эсти водила указательным пальцем по ватману, как бы прикасаясь к душам умерших. – Вот дедушка, бабушка, вот мои родители, а вот и я. А вот здесь ты. Да, засохшее дерево...

² Английское выражение, соответствующее русскому «седьмая вода на киселе».

Внезапно у неё появилась идея.

– Знаешь что, Макс? Давай оживим его, вдохнём жизнь. Пусть зашумит листва, на ветвях запоют птицы.

– Что за романтическая фантазия? – удивился Макс.

– Дай мне карандаш, – попросила Эсти.

Она взяла карандаш и соединила большой дугой два прямоугольника на разных сторонах дерева. В одном было написано «Эстер Ландау», в другом – «Макс Адлер». Потом на середине дуги нарисовала сердце.

– Так дети изображают любовь, – сказала она. – Вот видишь, дерево ожило. Любовь его оживила.

Эсти обняла Макса, и они застыли в долгом поцелуе.

– А теперь давай выпьем за память тех, кто погиб в Катастрофе.

Они выпили и помолчали.

– Ну, всё. Траурная церемония окончена. Покажи мне свою спальню, –скомандовала Эсти.

... Макс был тренированный мужчина. Любвеобильная искушённая Эльза старательно поддерживала его в хорошей форме. Но через несколько часов он вдруг почувствовал, что не выдерживает темп. А Эсти не проявляла ни малейших признаков усталости. Она была так же неутомима, как в самом начале, и требовала ещё и ещё. Её энергия была сравнима только с разнообразием ошеломительных поз, которыми она искусно владела.

– Боже мой, Эсти, где ты всему этому научилась? – с изумлением воскликнул Макс.

– У меня в этой области пи-эйч-ди³, – рассмеялась она и проверила его готовность. – А ты, дружок, утомился. И твой дружок тоже. Ну что ж, идите примите холодный душ, освежите себя яблоками и подкрепите себя вином, как говорили наши древние предки. А я и моя подружка вас подождём.

Макс встал и нетвёрдой походкой направился в ванную. Когда через десять минут он вернулся в спальню, то увидел, что Эсти выполняет замысловатые упражнения по системе йоги. Только сейчас он рассмотрел как следует её изящную и очень женственную фигуру.

– Дорогая, неужели ты не устала? – удивился он.

– От чего я должна устать? От любви? От этого живительного эликсира? – искренне и просто сказала она. – Ну что, продолжим?

Через два часа Макс признал своё поражение и со смущённым видом сошёл с дистанции.

– *Ultra posse nemo obligator*, – сказал он.

– Что это значит?

– Это значит – никого нельзя обязать сверх его возможностей. Так считали древние римляне.

– Они были правы, – сказала Эсти. – Не переживай. Ты молодец, продержался дольше других.

– Это что – комплимент или пропуск в элитный клуб? – спросил Макс.

– И то и другое, – рассмеялась Эсти. – А если серьёзно, то никакого клуба нет. Есть опыт, соответствующий возрасту и некоторым особенностям анатомии. Вот и всё, что есть. Так что не пугайся и не преувеличивай. Давай немного поспим.

... Как обычно, Макс проснулся в шесть утра. Эсти уже лежала с открытыми глазами.

– Ты так сладко спал, что не решалась будить, – сказала она. – А теперь давай повторим пройденное. Нет ничего лучше любви на рассвете.

³ Ph. D. – докторская степень, англ.

На этот раз Эсти продемонстрировала неподдельное глубокое чувство с продолжительными нежными ласками и поцелуями. Она называла это утончённым сексом.

– Ты необыкновенная женщина, – восхищённо сказал Макс. – Как же я теперь буду без тебя?

– Мы что-нибудь придумаем, – деловито ответила Эсти. – Можем встречаться в Европе, в Израиле. Ты ведь приедешь в Израиль?

– Возможно. Это зависит от того, как будет складываться совместная работа с «Дабл Эй».

– Есть проблемы?

– Пока нет.

– Макс, хочу спросить тебя. Но не подумай, что это имеет для меня какое-то значение. Ты богатый человек?

– Я состоятельный человек.

– В чём разница?

– Богатство – категория количественная, а состоятельность – качественная.

– Понятно. Тогда скажи мне, состоятельный человек, какие у нас планы на сегодня? После завтрака ты отправляешься на работу. А вечером?

– После завтрака мы с тобой едем на кладбище.

– Вот как. Ты решил похоронить нашу любовь?

Макс рассмеялся.

– Нет, это мы пока делать не будем. Сегодня открытие мемориала в память членов семей Адлер и Ландау, погибших в лагере смерти Маутхаузен. И поэтому твой приезд очень кстати.

– Что за мемориал? Ты мне ничего не говорил.

Макс рассказал о своём решении увековечить память погибших, о приобретении участка на кладбище и о главной идее архитектурного проекта.

– На днях строительство закончено. И сегодня официальное открытие с чтением поминальной молитвы. Мы должны быть там в одиннадцать. После этого заеду в офис на пару часов. А потом я в твоём распоряжении, дорогая.

– Макс, я очень взволнована. Это событие придаёт особый смысл и особый характер нашим отношениям. Ты мне нравишься всё больше и больше. Скажи, а почему ты решил построить мемориал именно сейчас, спустя столько времени после войны?

– Эсти, ты обратила внимание, что на некоторые твои вопросы я отвечаю двумя словами: «так сложилось»? Таков же ответ и на этот вопрос – так сложилось. Если вопросов больше нет, то давай завтракать.

Мемориал находился в западной части нового еврейского кладбища, рядом с протестантским участком. Он был сделан в виде серой гранитной стены, по краям которой возвышались две стелы из чёрного мрамора. Венчала стену необработанная базальтовая плита со сквозным вырезом в центре в форме шестиконечной звезды. Вырез был сделан под углом к зрителю, и небо в нём было такой же формы... На одной стеле были выгравированы с указанием возраста имена членов семьи Адлер, на другой – Ландау. Всего тридцать шесть имён. Под каждым списком – слова «Зихронам левраха»⁴. На гранитной стене надпись: «Умерщвлены в Маутхаузене в числе 38120 евреев, 1938 – 1945», а ниже изречение на иврите: «Воздастся кара за кровь невинных. Псалом 79».

Эсти внимательно осмотрела мемориал.

---

⁴ Да будет благословенна память о них, иврит.

– Всё сделано достойно, сдержанно, с большим вкусом и тактом, – заключила она. – Без внешних эффектов. Но каждая деталь и каждое слово кричат. Молодец, Макс. Спасибо и от меня тоже.

– Рад, что тебе понравилось. Ты совершенно точно уловила главную идею мемориала. Да, каждое слово кричит, – повторил он и машинально добавил: – В начале было Слово...

– Да, в начале было Слово, – продолжила Эсти, – потом слово против слова, потом народ против народа, потом две Мировые, потом Холокост. Вот и вся история цивилизации от Иоанна до наших дней.

Макс был поражён таким ёмким и исчерпывающим экспромтом.

– За это ты заслуживаешь ещё одну докторскую степень, – сказал он.

Присутствующих было немного – глава Венской еврейской общины, его заместитель, трое руководителей «Хевра кадиша», раввин Самуэль Маркус, староста синагоги, архитектор и скульптор. Состоялась краткая церемония. Раввин Маркус прочитал поминальную молитву: «Итгадад вз иткадаш шемей рабо...» – «Да возвеличится и освятится великое имя Его...» Перед уходом Эсти положила по небольшому камешку на горизонтальный выступ у подножья каждой стелы.

– Так это делается в Израиле, – объяснила она в ответ на недоуменный взгляд Макса. – По еврейской традиции возлагаются не цветы, а камешки.

Макс отвёз Эсти в гостиницу, и они договорились, что через два часа он заедет за ней.

– Мы отправимся в деревушку в семидесяти километрах от Вены, – сказал он. – Там и заночуем. Возьми всё необходимое.

Деревушка называлась Дюрнштейн. Она расположена к западу от Вены, у излучины Дуная. Место очень живописное, настоящий рай для туристов. Множество уютных гостиниц сельского типа, ресторанчиков, прогулочных тропинок вдоль реки и по склонам соседних холмов. На одном из них – развалины старинного замка, в котором, согласно летописи Крестовых походов, содержался пленённый английский король Ричард Львиное Сердце.

Макс и Эсти приехали в Дюрнштейн в седьмом часу вечера. Они оставили вещи в гостинице, прошлись несколько километров вдоль Дуная и поужинали в семейном ресторанчике «У излучины».

– Просто сказка! – воскликнула Эсти. – Не хочется думать, что всё это скоро кончится. Так бы и путешествовала с тобой по всему миру... Впрочем, это даже хорошо, что кончится. Иначе я бы привыкла к тебе, а то и банально влюбилась. В моём возрасте это опасно. Да и тебе ни к чему...

– Не знаю, не знаю. Мне, может быть, и к чему, – загадочно произнёс Макс. – Но тебе, действительно, надо быть осторожной. Не следует ломать семейную жизнь.

Эсти иронически посмотрела на него.

– Откуда тебе знать? Может, и ломать-то нечего, – неопределённо сказала она. – Ну ладно, сменим тему. Хочу в гостиницу. Грядёт ночь великой любви номер два...

– Любовь номер два или ночь номер два?

– Ночь, конечно, – Эсти рассмеялась.

Макс обнял её и поцеловал.

– Не испугался? – Эсти лукаво посмотрела на него. – Обещаю, сегодня не будем нарушать завет древних римлян. Как там говорится – *ultra posse...*?

– ... *nemo obligator*, – закончил Макс.

– Вот именно, облигатор.

На следующий день они отправились вдоль излучины Дуная на юг в городок Мелк, где находится знаменитый монастырь ордена бенедиктинцев. Построенный

в стиле барокко в начале восемнадцатого века, он поддерживается в идеальном состоянии и привлекает туристов со всего мира.

Макс с увлечением рассказывал по дороге обо всех интересных местах, которые они проезжали. Эсти была благодарной слушательницей и обнаружила немалые познания в архитектуре, искусстве, истории... В Вену вернулись поздно вечером.

12

Эсти улетела утренним рейсом. Проводив её, Макс приехал в офис. Эрнэ сразу же сообщила, что Пауэлл хочет поговорить с ним.

– Пусть зайдёт, – сказал Макс.

Пауэлл появился через пять минут.

– Макс, я хотел бы обсудить условия нашего участия в канадском тендере. На мой взгляд, максимальный взнос при подписании контракта не должен превышать миллион долларов. Каково ваше мнение?

– Я думаю, мы можем увеличить его до полутора миллионов. Там ожидаются серьёзные открытия. Не следует упускать этот блок.

– Хорошо. Есть ещё один вопрос. Возможно, он вас заинтересует.

– Что за вопрос?

– Дело в том, что у меня есть небольшой пакет акций «Эрдойль». На днях знакомый брокер предложил мне продать его по цене выше рыночной. Из разговора с ним выяснилось, что идёт скупка акций компании и что сам он действует в интересах одного из её директоров. А стоит за этим Гельмут Келлер. Вам понятен смысл происходящего, Макс?

– Думаю, что да. Внутренний тейквер.

– Именно так. Они хотят заблокировать ваш пакет и отстранить вас от руководства компанией. Не исключено также, что Келлер лелеет мечту вернуться в «Эрдойль».

– Спасибо, Дейв. А сейчас вот что. Напишите мне объяснение о вашей сделке с Келлером. Обещаю, оно не будет использовано против вас, а только чтобы приструнить его. Вы же не хотите, чтобы он вернулся в компанию, не так ли?

– Определённо не хочу.

– Прекрасно. Теперь о брокере. Думаю, это Дитрих Хаузер. Я не ошибся?

– Да, это он.

– Хорошо, Дейв. Ещё раз спасибо за информацию. Продолжайте заниматься тендером и не беспокойтесь насчёт Келлера и всей этой возни с акциями.

Макс договорился с Клаусом Руппе о созыве экстренного собрания акционеров. Затем он разыскал Хаузера и предложил встретиться в ресторане делового клуба. Брокер был немного обеспокоен, но согласился.

– Господин Хаузер, я обдумал ваше предложение об увеличении своего пакета и решил принять его. Давайте обсудим условия, – Макс сразу перешёл к делу.

Хаузер смутился.

– Видите ли, господин Адлер, я, конечно, заинтересован работать с таким клиентом, как вы. И надеюсь, в будущем смогу оказывать вам профессиональные услуги. Но в данный момент ситуация не вполне благоприятная. Боюсь, что должен временно отказаться от этого предложения. Очень сожалею. Если вас интересуют акции других компаний, то готов немедленно обсудить это.

– Нет, меня интересует только «Эрдойль». А что, собственно, изменилось? Почему ситуация стала неблагоприятной? Не могли бы вы объяснить конкретно?

– Конкретно? В нашем деле, господин Адлер, есть свои профессиональные тайны. И мы не всегда можем делиться информацией, которой владеем. Полагаю,

у вас тоже есть своя конфиденциальная информация. Одним словом, вы меня понимаете...

– Опять тайны. В прошлый раз были тайны и сейчас снова. Но я понимаю вас, Хаузер. Очень хорошо понимаю. И предупреждаю – если вы не прекратите всю эту возню со скупкой акций «Эрдойль» по завышенной цене, то нарвётесь на крупные неприятности. Такие крупные, что они перевесят комиссионные, которые вы ожидаете. Я просто сделаю вас персоной нон грата в этом бизнесе. А у меня есть такие возможности. В прошлый раз вы трусливо сбежали. Сейчас этим не отделаетесь.

– Простите, господин Адлер, но почему вы так со мной разговариваете? На каком основании? Я бы попросил...

– Основание есть. И очень веское. Вам известно, что тейковер – это уголовное преступление и преследуется по закону. А вы участвуете в нём самым активным образом. У «Эрдойль» уже сейчас есть основания потребовать расследования вашей деятельности и деятельности тех, на кого вы работаете. Я не знаю, чем рискуют они, но вы рискуете своей лицензией. Если хотите сохранить её, то назовите имена. Для кого вы скупаете акции?

Хаузер побледнел.

– Вы требуете от меня невозможного, господин Адлер. Я не могу... профессиональная тайна...

– Забудьте о тайне. Думайте о лицензии. Итак, здесь, конечно, замешан Келлер. Кто ещё?

– Только на условиях конфиденциальности, господин Адлер. Могу я рассчитывать?

– Можете. Говорите.

– Я имею поручение господина Келлера. Он мой давний клиент. А непосредственно заинтересованное лицо господин Вернер. Рудольф Вернер. Его пакет составляет, как вы знаете, пять процентов.

– Вернер? Один из директоров «Эрдойль» и президент бумажного синдиката?

– Да, он.

– Ну, и каковы ваши успехи? Сколько акций успели купить?

– Немного. Очень немного. Но я только начал.

– Ваше счастье. На этом вы и закончите. Если я узнаю, что вы ведёте переговоры хотя бы с одним акционером, то пеняйте на себя. Вам всё понятно, Хаузер?

– Да, господин Адлер.

На собрание пришло больше акционеров, чем обычно. Слово «экстренное» возбудило всеобщее любопытство. Последние два года дивиденды почти не поступали, и это вызывало недовольство пайщиков, привыкших к постоянному доходу от акций.

Клаус Руппе предоставил слово Макс. Он, как всегда, был краток и говорил по существу.

– Дамы и господа, – обратился Макс к собравшимся, – вы, конечно, разочарованы результатами последних двух лет. Есть несколько причин этого, и главная – неудача в заливе Папуа. Однако сейчас имеются все основания ожидать существенного улучшения ситуации. Я не могу вдаваться в детали, но мы находимся в преддверии крупных открытий в Канаде, которые самым благоприятным образом отразятся на прибылях компании и на ваших дивидендах. Это и есть основная хорошая новость, ради которой мы пригласили вас на экстренное собрание. Но есть и плохая новость. Нам стало известно, что некий акционер, владеющий относительно крупным пакетом, начал скупку акций по повышенной цене через подставных лиц (Макс бросил выразительный взгляд на Вернера, сидевшего в первом ряду). Разумеется, каждый вправе распоряжаться своими ценными бума-

гами по собственному усмотрению. Но я хочу ещё раз сказать с полной ответственностью – скоро доходы «Эрдойль» возрастут, и тогда те, кто поторопился продать акции, будут сожалеть об этом. Мой долг предупредить вас.

После выступления Максy было задано много вопросов. И почти все они так или иначе касались ожидаемых открытий в Канаде. Акционеры хотели знать, на чём основана такая уверенность. Чтобы не быть голословным, ему пришлось сказать, что компания планирует применить новую разведочную технологию, которая позволяет обнаруживать месторождения быстро и с минимальными затратами. На вопрос, разработана ли технология в «Эрдойль», он ответил отрицательно, добавив, что изобретение принадлежит небольшой фирме, которая, исходя из собственных интересов, готова продемонстрировать его на разведочном блоке «Эрдойль». Тут же посыпались вопросы по поводу этой технологии. Макс уклонился от объяснений, сказав, что собрание акционеров – не самое подходящее место для обсуждения технических деталей. Рудольф Вернер внимательно слушал и делал пометки в блокноте.

...Усилия Макса по предотвращению тейковера дали результаты. Дитрих Хаузер прекратил скупку акций, а те, кто готов был продать их, отказались от этого намерения.

13

В Израиле Макс был впервые. Он знал, что рано или поздно приедет в эту страну. Но как-то так складывалось, что поездка отодвигалась на неопределённое время. В конце концов у него появилось некое смутное ощущение, что приезд в Израиль будет связан с каким-то конкретным поводом, а не просто с ознакомительным туром. Такое ощущение ни на чём не основывалось, оно было скорее интуитивным, чем осознанным. Но Макс привык доверять своей интуиции. Он неоднократно убеждался, что предчувствия подтверждались самым неожиданным образом. Так получилось и на этот раз. Рон позвонил ему и передал приглашение босса. Он попросил захватить с собой материалы по блоку Стин Ривер, а также, к удивлению Макса, письменные оценки его прошлой работы.

...Макс вышел на балкон тель-авивской гостиницы «Хилтон». Вид спокойного Средиземного моря действовал умиротворяюще. Пляжи были заполнены народом. По воде скользили парусники. И только патрульные вертолёты, пролетающие над морем на небольшой высоте, напоминали о том, что страна воюет с террором. Он посмотрел на часы. Рон должен был приехать за ним через десять минут. Макс ещё раз проверил содержимое кейса, убедился, что все документы на месте, и спустился в лобби.

Рон появился минута в минуту. Они обменялись рукопожатием и вышли на улицу. Белая «вольво» стояла у входа.

– Макс, босс хочет встретиться с тобой у себя дома, в Кесарии. Это пятьдесят километров на север, вдоль моря. Минут сорок езды. Заодно посмотришь прибрежную полосу.

– Прекрасно. Надеюсь в ближайшие дни посмотреть и другие места, о которых много слышал.

– Разумеется. Каждый, кто впервые приезжает в Израиль, просто обязан сделать это. Я и Эсти позаботимся об этом. Но сначала, конечно, наше дело, – Рон улыбнулся и добавил: – как ты знаешь, по-итальянски это называется «коза но-стра».

– Зловещая аналогия, – Макс рассмеялся. – И как зовут крёстного отца?

– Его зовут Шмуэль.

– А фамилия?

– Для нас он просто Шмуэль. И для тебя тоже.

– Не торопись, Рон. Я ещё не член «семьи».

– Да, конечно. Стать им не так-то просто.

В разговоре появился явный подтекст, и оба хорошо понимали, о чём идёт речь.

Перед Максом стоял высокий худощавый старик с резко очерченным лицом, орлиным носом и пронизывающим взглядом глубоко посаженных глаз. Бобрик густых седых волос. Спортивная осанка. Одет он был в строгую тёмносерую тройку, что подчёркивало официальный характер встречи, хотя она и происходила дома, а не в офисе. Старик протянул руку, и Макс почувствовал крепкое пожатие сухих костлявых пальцев.

– Шмуэль, – представился он и добавил фамилию, но Макс её не расслышал.

– Рад познакомиться с вами, Макс. Мы называем друг друга по имени. Так принято в Израиле. Не возражаете?

– Не возражаю.

– Прекрасно. А сейчас давайте сделаем лехаим. Наливайте сами по своему выбору.

Они подошли к боковому столику, на котором стояла батарея бутылок. Макс налил сухое «Шардонне». «Лехаим!» – произнёс Шмуэль. Все чокнулись и выпили.

– Итак, – продолжил Шмуэль, – Рон рассказал вам в самых общих чертах о нашем методе. Больше пока мы сообщить не можем. Полагаю, это не станет препятствием для сотрудничества на первом этапе. Под этим этапом я имею в виду ваше участие в завершении разведки блока Уинтон в Австралии и наше участие в разведке блока Стин Ривер в Канаде. Следующий этап будет зависеть от результатов этой работы. А сейчас, Макс, я хотел бы задать вам два вопроса. Извините старика, если они покажутся некорректными, – Шмуэль хитровато прищурился.

– Отвечу, если смогу, – улыбнулся Макс.

– Хорошо. Видите ли, Макс, ни я, ни Рон не специалисты по нефтяной разведке. Поэтому мы не можем оценить ваш профессиональный уровень. А для нас это очень важно. Геолог, которого мы потеряли, был специалистом мирового класса. И мы хотели бы заменить его таким же. Поэтому первый вопрос – как вы сами себя оцениваете?

– Ни один специалист не может оценить себя объективно, – ответил Макс. – Могу представить официальную оценку моей работы за последние годы. Рон попросил меня захватить эти документы.

Он открыл кейс и передал Шмуэлю несколько страниц.

– Немецкий, – сказал Шмуэль, взглянув на текст. – Когда-то я владел им лично. Ну что ж, тряхнём стариной. А у тебя, Рон, насколько я знаю, проблем с этим языком нет.

Он медленно читал страницы и передавал их Рону.

– Превосходно, – сказал он, закончив чтение. – Вопрос снимается. Но возникает новый вопрос. Здесь сказано, что вы, Макс, работаете старшим специалистом отдела. А сейчас вы вице-председатель Совета директоров и курируете всю зарубежную разведку. Как такая метаморфоза могла произойти всего за два-три года?

– О, это долгая и почти фантастическая история. Если не возражаете, расскажу её после деловой части. Это скорее литература определённого жанра, нежели нефтяная разведка или бизнес.

Шмуэль и Рон переглянулись. Они были явно заинтригованы, но им оставалось только согласиться.

– Хорошо, подождём окончания деловой части. А сейчас второй вопрос, столь же некорректный, – Шмуэль снова хитровато прищурился. – Скажите, Макс, вы богаты?

– Полагаю, что да.

- Насколько?
- Достаточно.

– Почему, в таком случае, вас интересует сотрудничество с нами? Ведь прямой метод – это, в конечном счёте, только деньги, и ничего больше.

– Видите ли, Шмуэль, для нефтяного геолога это не только и не столько деньги. Это мечта, прорыв, другой качественный уровень. Это как пересесть из конного экипажа в «мерседес» (сказав это, Макс вдруг вспомнил детство, конную коляску за сараем, свой нынешний «мерседес» и удивился конкретности этой образной фразы). И коль скоро, будучи обеспеченным человеком, я продолжаю работать, а не ухожу в отставку, то не могу не думать о техническом прогрессе в нефтеразведке. Вот почему ваше предложение я оцениваю не только с точки зрения увеличения личных доходов, но прежде всего как своего рода профессиональный допинг. А уже потом то, о чём вы говорите, Шмуэль.

– Хорошо сказано, Макс. Нечто подобное я слышал однажды от Алекса, зикхро левраха. Вероятно, вы, геологи, люди одинакового склада.

– Раз уж вы затронули этот вопрос, то хотел бы задать его и вам. Вы человек немолодой и, насколько я понимаю, достаточно состоятельный. Что заставило вас, в ваши годы, бросить такой опасный и рискованный вызов нефтяным корпорациям? – спросил Макс.

Шмуэль рассмеялся.

– Молодец, Макс. Мяч не задержался на вашем поле. У каждого из нас свои причины и стимулы для этого. Что касается меня, то вам они станут полностью понятны только тогда, когда доберётесь до моего возраста. А пока поверьте на слово – проблема старости не в том, что мы стареем, а в том, что остаёмся при этом молодыми... Если ответ удовлетворил вас, то давайте посмотрим карту.

Они подошли к большому столу, на котором лежала карта блока Уинтон. Она выглядела достаточно пустой. Были обозначены только предполагаемый контур месторождения по данным почвенной съёмки и три нефтяные скважины. Рядом лежали конверты с каротажными диаграммами, папки с результатами испытания скважин и описанием керна.

– Вот всё, что у нас есть. Мы приготовили для вас копии. Как вы знаете, сейсморазведку мы не проводим. Ваша задача, Макс, определить количество и местоположение дополнительных скважин. Затем обеспечить геологический контроль за их бурением, подсчитать запасы нефти и подготовить всю необходимую техническую документацию для продажи месторождения. А на заключительном этапе участвовать в тендере с нашей стороны.

Макс вынул из конвертов каротажные диаграммы и разложил их на столе. Потом достал из папки отчёты по испытанию скважин. Минут двадцать он внимательно рассматривал материалы. В комнате стояла полная тишина.

– Серьёзное месторождение, – сказал он, закончив просмотр. – Из задач, которые вы перечислили, Шмуэль, я могу лишь определить количество дополнительных скважин, необходимых для подсчёта запасов, точки их бурения и подготовить техническую документацию. Для контроля за бурением, подсчёта запасов и участия в тендере пришлю опытного геолога. Мой статус в «Эрдойль» не позволяет выполнять такую работу для другой компании. Надеюсь, вы понимаете это.

– Для меня это несколько неожиданно, – сказал Шмуэль. – Я полагал, что вы сделаете всю работу.

– Сожалею, но это исключено. Я говорил об этом Рону в Вене. Могу гарантировать, что геолог, который будет этим заниматься, абсолютно надёжен как в профессиональном отношении, так и в плане личного доверия. Вы не должны оплачивать его работу. К тому же она не требует знания всех обстоятельств выбора разведочного участка. Он вообще не будет знать, что вы используете прямой метод.

– Хорошо. Мы подумаем. А сейчас покажите, что мы должны сделать для вас на блоке Стин Ривер.

Макс разложил на столе карту Пауэлла и показал кольцо рифовых поднятий, обрамляющих лагуну.

– Мы решили участвовать в тендере и получить этот блок. Не могли бы вы точно указать, какие рифы содержат нефть?

– Нет проблем. Мы сделаем это, – сказал Шмуэль. – Образцы будет отбирать наш человек. Он имеет опыт работы на Камероне. Ваши люди должны только указать ему точки отбора и нанести их на карту. Нам карта не нужна, она будет находиться у вас.

Он обратился к Рону.

– Рон, разыщи Пьера Леже. У нас есть его телефон в Квебеке. А до этого ты и Макс должны составить план работ в Австралии и Канаде. Формальный договор и смета расходов, я полагаю, не нужны. Будем работать на бартерной основе. Не возражаете, Макс?

– Да, это справедливо.

– Итак, деловая часть в общих чертах закончена. Теперь, Макс, мы слушаем вашу фантастическую историю.

Макс улыбнулся.

– Хорошо. Но сначала один вопрос к вам. Что означает столь необычное название – «Дабл Эй»?

Шмуэль объяснил. «Теперь это своего рода мемориальное название, – сказал он и добавил после небольшой паузы: – Они похоронены недалеко отсюда, на городском кладбище. Если хотите, можем подъехать».

– Да, я хотел бы побывать там. Непременно. А сейчас, господа, о той метаморфозе, как вы это назвали, которая произошла в «Эрдойль» за последние два-три года, – сказал Макс.

Он начал с истории своего увольнения, затем перешёл к содержимому брегета и, наконец, к поездке в Женеву. Кульминацией рассказа было драматическое заседание Совета директоров. Шмуэль и Рон слушали, затаив дыхание.

– Фантастика, триллер, граф Монте-Кристо! – воскликнул Шмуэль. – Теперь, подобно Дантесу, вы можете наказать мерзавцев. Вы сделали это?

– Нет, Шмуэль, я не литературный герой. Я решил не сводить счёты.

– Вот как. Вы сильный человек, Макс. Только сильный способен прощать. Слабый не прощает никогда.

– Макс, ты должен написать об этом книгу. Она затмит историю Ли Якокки, – предложил Рон.

– Я подумаю, – сказал Макс.

...Закончив беседу, они отправились на кладбище. Могилы Алекса и Андрея объединяла общая мраморная плита у изголовья, на которой было выгравировано: «Прожили мало, успели много». Перед уходом Макс положил по камешку на каждую из них. «У меня предчувствие, Макс, что вы примете эстафету», – сказал Шмуэль.

14

Первый день осмотра Иерусалима подходил к концу. Эсти показала Макс Старый город, Стену Плача, туннель Хасмонеев, пробитый в скале ещё до новой эры, и колоритный арабский базар («шук арави»), представляющий собой лабиринт узких улочек, протянувшихся в общей сложности на многие километры. Теперь они поменялись ролями. Эсти рассказывала, а Макс слушал. Всё увиденное и услышанное произвело на него большое впечатление. Двухтысячелетняя история ожила и предстала перед ним в виде удивительных инженерных сооружений

далёких эпох, раскопок, названий улиц, застывших традиций и абсурдных запретов. Религия и политика, кровавые войны и не менее кровавые междуусобицы, разрушения и восстановления, изгнания и возвращения были переплетены и спрессованы во времени на этом клочке земли, как нигде в мире.

Макса особенно поразила действующая модель Храмовой горы, установленная в одном из подземных залов туннеля Хасмонеев. Она приводилась в движение нажатием кнопки. Постройки, оборонительные стены, архитектурные блоки одной эпохи рушились и исчезали, а их место занимали сооружения следующей эпохи. Это происходило на глазах у изумлённых зрителей и напоминало смену декораций на трагической сцене Истории, ибо каждая такая «смена» сопровождалась реками крови. В течение нескольких минут возникали одна за другой эпохи Первого храма, Второго храма, правления римлян, крестоносцев, арабов, турок. Зрелище было фантастическое и напоминало путешествие через века и тысячелетия в машине времени...

Внимание Макса привлекла большая шестиконечная звезда, выбитая на стене под сводчатым потолком.

– Знаешь ли ты истинный смысл этого изображения? – спросила Эсти.

– Знаю, что это звезда Давида, но никогда не слышал, что она имеет какой-то особый смысл.

– Прежде всего – это эмблема. И как во всякой эмблеме, в ней заключена определённая символика.

– И какова же она? – спросил Макс, предвкушая очередной интересный рассказ.

– Объяснений несколько, но все они, кроме одного, ничего не объясняют. Эта эмблема была изображена на круглом щите царя Давида. Поэтому буквальный перевод с иврита – не звезда, а щит Давида. Как видишь, геометрически это очень простая фигура – два треугольника, наложенные один на другой. И в каждом из них заключён столь же простой символический смысл. Треугольник, обращённый вершиной вверх, указывает на небесные сферы, где, как принято считать, обитает Всевышний. Треугольник, обращённый вершиной вниз, указывает на землю, где обитает избранный им народ. Таким образом, вся фигура представляет собой предельно выразительное, без каких-либо геральдических излишеств, графическое изображение союза между Богом и народом, – объяснила Эсти и добавила с улыбкой: – этот союз (на иврите брит) – главный идеологический стержень Торы. Он сопровождает еврея с самого рождения, а точнее с момента обрезания на восьмой день после рождения, когда брит скрепляется кровью, и до смерти, когда читается поминальная молитва. И обрезание, и молитва посвящены в большей степени Богу, чем самому человеку. Всё остальное в Торе – это лишь исторические хроники, предания, легенды и толкования. Кстати, задумывался ли ты, почему Бог избрал именно еврейский народ?

– Почему же? – спросил Макс с нескрываемым интересом.

– О, это совсем просто, – Эсти снова улыбнулась. – Потому что этот народ избрал именно этого Бога. И у Всевышнего не оставалось иного выхода, как, на основе взаимности, избрать для своих экспериментов именно этот народ. Другие народы избрали других богов. И, с точки зрения этих богов, тоже могли бы объявить себя избранными. Но они до этого не додумались. Между прочим, их боги тоже увлекаются экспериментами...

Макс снова поразился тому, что здесь, на этой древней земле, каждый камень, каждое слово и каждый знак имеют свой символический смысл – иногда глубокий и мудрый, а иногда наивный и абсурдный. Эта символика прочно укоренилась не только в религиозной философии, но и в сознании значительной части народа, наложив особый, порой фатальный отпечаток на его историю...

Эсти рассказала несколько любопытных историй, связанных с Храмовой горой. Одна из них касалась еврейской свадебной традиции разбивания женихом стакана ударом ноги. Макс всегда считал, что стакан разбивается «на счастье». Оказалось, что это не так. Традиции уже две тысячи лет и символизирует она разрушение Храма, о чём нельзя забывать даже в самые счастливые минуты... Другая история была связана с арабским завоеванием Иерусалима в седьмом веке. Халиф Омар, победивший христиан-византийцев, решил построить мечеть на Храмовой горе, но обнаружил, что она превращена ими в городскую мусорную свалку. Он очистил её необычным способом – разбросал по всей территории горсти золотых монет. Бедняки в поисках денег должны были разгрести мусор и удалять его. За несколько дней гора стала чистой. Это обошлось дешевле, чем нанимать рабочих. «Прекрасный метод восстановления экологии, – заметил Макс. – Почему бы не возродить его сейчас?»

После туннеля Хасмонеев они вернулись на площадь у Стены Плача. Макс прошёл к мужскому участку Стены, а Эсти осталась ждать его на площади. Он с удивлением и любопытством наблюдал за всем, что происходило вокруг него в этом древнем священном месте. Молящиеся стояли почти вплотную к Стене, закрыв глаза, раскачиваясь взад-вперёд то в ускоренном, то в замедленном темпе, время от времени прикасаясь рукой и губами к отполированным тысячелетиями каменным плитам. Макс стал внимательно вглядываться в их лица, жесты, вслушиваться в резко меняющиеся интонации незнакомой речи. Всё это выражало отрешённость и исступлённое погружение в тот недоступный посторонним виртуальный мир, где происходит таинство общения с Богом. «Так это, наверное, было и две тысячи лет назад, – подумал он. – Интересно, изменилось ли что-нибудь с тех пор? Неужели гигантский технический прогресс прошёл мимо столь экзотического реликтового сообщества?»

Не успел он задать себе этот риторический вопрос, как получил исчерпывающий ответ на него. К Стене подошёл благообразный пожилой человек с пейсами и седой окладистой бородой. Он вытянул вперёд правую руку, приложил её к каменной плите и замер в такой позе. Он не раскачивался подобно остальным, его губы не шевелились. Он не молился. Просто стоял неподвижно на расстоянии вытянутой руки от Стены. Макс стал с интересом наблюдать за ним. Вдруг, приглядевшись к его руке, он увидел, что человек не опирается на Стену, а держит около неё мобильный телефон. Это ещё больше поразило и заинтриговало его. Соединение новейшей технологии с глубокой древностью казалось невысказанным и сюрреалистическим. Макс извинился за любопытство и спросил, что означает столь необычный ритуал.

– Видите ли, уважаемый, – объяснил незнакомец, – мой брат живёт в Нью-Йорке и молится по телефону у Стены Плача. Да будет вам известно, что Америка – это часть Иерусалима. – Он хитровато улыбнулся и отчётливо произнёс, расчленив слово на три части: Jer-USA-lem.

В этот момент внимание Макса привлёк другой человек, с пухлым портфелем в руке. Он подошёл к Стене и начал вынимать из портфеля маленькие рулончики стандартной писчей бумаги, складывать их пополам и засовывать в щели между камнями. Владелец мобильного телефона увидел, что Макс с удивлением наблюдает за этими действиями.

– Мне кажется, уважаемый, вы хотите спросить, что он делает, не так ли?

– Буду признателен, если объясните.

– С удовольствием. Это служащий телефонной компании. Он вкладывает в щели обращения к Богу, поступающие по факсу со всего мира.

Только сейчас Макс заметил, что все щели между камнями нашпигованы плотно спрессованными бумажками разных размеров.

- Что это за бумажки? – спросил он своего нового гида.
- О, это записки к Всевышнему. С их помощью каждый имеет уникальную возможность обратиться к Нему напрямую, без посредников. Единственный посредник – это сама Стена.
- Каждый? И я тоже?
- Вне всякого сомнения.
- А на каком языке должна быть записка?
- На любом. Он читает на всех языках. Главное – обращение должно быть искренним и правдивым. Никакой фальши или корысти.
- На любом языке? Могу ли я написать на немецком?
- Можете, конечно. Но мы ведь разговариваем с вами на английском. Почему вы хотите написать по-немецки? Напишите по-английски. – Он подумал и добавил:
- Так будет лучше.

Собеседник Макса извинился, сказал, что торопится, пожелал ему доброго дня и начал пятиться от Стены. Макс вопросительно посмотрел на него. Тот заметил это и объяснил: «К Стене нельзя поворачиваться спиной. Таков наш закон».

Молитва по телефону, обращения к Богу по факсу, записки в щелях, запрет поворачиваться к Стене спиной – всё это было для Макса неожиданным и удивительным. Он почувствовал себя невольным свидетелем таинственного фантастического священнодействия, герои которого разыгрывали вечную библейскую тему сложных и запутанных отношений между человеком и Богом. Ему захотелось немедленно обсудить всё это с Эсти и задать ей множество вопросов. Его первый вопрос касался записок.

- А что происходит с ними потом?
- Потом? Ничего особенного. Рано утром арабы-уборщики вытаскивают их из щелей железными крюками и выбрасывают вместе с остальным мусором.
- «Вот как. Вместе с остальным мусором», – подумал Макс. Таинственное священнодействие обернулось мелкой экологической проблемой. Задавать другие вопросы он не стал...

Эсти была хорошим гидом. Она распланировала экскурсию по городу на два дня, а на третий день наметила поездку к Мёртвому морю. Поэтому возвращаться в Тель-Авив не имело смысла, и она предупредила Рона, что ночевать они будут в Иерусалиме. Назавтра предстояло посещение мемориального музея Катастрофы «Яд ва-шем» с примыкающими к нему горой Герцля и военным кладбищем, где могилы генералов и солдат неотличимы одна от другой.

Они остановились в гостинице «Хилтон» и зашли поужинать в небольшой итальянский ресторанчик «Траттория» недалеко от неё.

– Макс, я так счастлива, что ты приехал. Наша встреча в Вене, открытие мемориала, сказочная поездка в Дюрнштейн – всё это просто перевернуло мою жизнь. Я живу от встречи до встречи. А ты думал обо мне?

– Да, дорогая. Я думал о тебе, о себе, о Роне. И, говоря откровенно, не вижу выхода их этого треугольника. У нас нет будущего.

– А никакого выхода и не нужно. Пусть всё так и остаётся. Наше будущее – это наше настоящее. Мы же можем себе позволить встречаться, где захотим и когда захотим.

– Почему ты так решила?

– Рон сказал, что ты сказочно богат, почти владелец компании. Вот я и подумала, что ты можешь в любое время поехать куда хочешь без чьего-либо разрешения. Разве это не так?

Макс рассмеялся.

– Во-первых, насчёт сказочного богатства. Такие эпитеты годятся только для арабских шейхов. Я тебе уже говорил, что я состоятельный человек. Это действи-

тельно даёт финансовую независимость, но не более того. А во-вторых, что касается поездок в любое время и в любое место, то у меня есть работа и большая ответственность перед компанией. Если я буду часто и подолгу отсутствовать, то ей будет нанесён ущерб.

– Макс, мне не нравится то, что ты говоришь. У меня такое чувство, будто я тебе надоела, и ты начинаешь искать отговорки. Это так?

– Нет, это не так. Я никогда не встречал такую женщину, как ты. Такую сексуальную и такую умную. Но мы должны быть реалистами. Нельзя, закрыв глаза, бросаться в омут...

– И это мне тоже не нравится. Какие-то благоразумные лягушачье-холодные слова. Работа, ответственность перед компанией, быть реалистами... Ладно, я знаю, как выбить эти вредные мысли из твоей головы. Идём в «Хилтон».

...Эсти несколько часов неумоимо выбивала из головы Макса мысли, которые ей не нравились. Она установила тариф. Каждый раз, когда он произносил слово «работа», она накладывала на него штрафное очко, а за слова «ответственность перед компанией» – три очка. И эти очки добавлялись к тому, что она, после латинского изречения Макса, стала называть «древнеримской нормой». В конце концов, он сдался и обещал, что встретит с Эсти будут для него приоритетными. «С учётом форс-мажорных обстоятельств», – сделал он единственную оговорку. Эсти милостиво согласилась и добавила, что постарается держаться подальше от омута и не затаскивать в него Макса. Так, полушутя-полусерьёзно, они заключили конвенцию, которую назвали иерусалимской.

Следующий день начался с мемориального комплекса «Яд ва-шем», что переводится как «Рука и Имя». В еврейской культурно-исторической традиции рука служит символом памяти. Например, в молитве о Иерусалиме говорится: «Если я забуду тебя, о Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука». А значение и символика имени заключаются в том, что человек продолжает жить в памяти до тех пор, пока сохраняется его имя. Поэтому в картотеке музея хранятся миллионы имён жертв Холокоста, и она постоянно пополняется.

Наиболее зримо и трагично эта символика воплощена в уникальном зале памяти детей. В нём нет ни окон, ни электрического освещения. Слабый мерцающий свет исходит только от множества маленьких свечей. Их пламя отражается в тысячах зеркал, создавая подобие звёздного небосвода. Звёзды – это души убитых детей. Посетители молча проходят в темноте как бы внутри небосвода по специальному мостику. Рука каждого скользит по ограждающему поручню, указывающему направлению. В абсолютной тишине дикторы, мужчина и женщина, поочередно на иврите и английском произносят имена. «...Шимон Яблонски, шесть лет, Польша... Ида Гринберг, девять лет, Украина... Павел Штеха, пять лет, Чехословакия...» Полтора миллиона имён, читаемых непрерывно. Все, кто входят сюда, испытывают ни с чем не сравнимое потрясение.

...Макс медленно продвигался по мостику. Ничего подобного он раньше не видел и не слышал. Вдруг его рука крепко сжала поручень. Дыхание у него перехватило. Он остановился, не в силах идти дальше. Нет, он не ослышался. «Эмма Адлер, 10 лет, Австрия». Эмма, Эмми. Сестрёнка Эмми. «Твоя сестра Эмми очень любит тебя. Когда ты был совсем маленький, она не отходила от тебя ни на шаг», – писал отец в прощальном письме. Судьбе было угодно, чтобы он встретился с ней здесь, в «Яд ва-шем», в далёком Иерусалиме. Одна из тысяч мерцающих над ним звёздочек – это она, её душа. Чтобы не мешать идущим сзади, Макс и Эсти перешли на другую сторону мостика. Он замер в ожидании, будучи уверен, что сейчас услышит имя брата. Но дикторы уже читали другие имена. Макс подумал с беспокойством и горечью, что Арни по какой-то причине нет в списках. Однако Эсти уверила его, что это невозможно и что за разъяснением следует обратиться в отдел имён.

Сотрудник отдела выслушал их, включил компьютер и быстро нашёл полную информацию: «Арнольд Адлер, двенадцать лет, Австрия, сын Леопольда и Берты, погиб в Маутхаузене вместе с родителями и сестрой Эммой». Макс попросил, чтобы имена Арни и Эмми произносились вместе. Его заверили, что исправление будет сделано незамедлительно. Затем, по его просьбе, были проверены имена родителей и деда Оскара. Они тоже оказались в списках. «С австрийцами у нас нет проблем, – сказал сотрудник. – Мы получили от них исчерпывающие данные. Они вели делопроизводство и учёт с присущей им аккуратностью».

...После экскурсии по Иерусалиму была поездка к Мёртвому морю. Наибольшее впечатление на Макса произвела легендарная крепость Масада недалеко от его южной оконечности. Фуникулёр доставил их на плоскую вершину скалы, где на высоте 400 метров археологи обнаружили руины двух царских дворцов и крепостных укреплений. Крутые отвесные утёсы образуют неприступную естественную границу по всему периметру крепости. Эсти рассказала, что Масада была построена в первом веке до новой эры царём Иродом, а спустя столетие вошла в историю как последний оплот восстания против Рима. Крепость, в которой укрылись девятьсот шестьдесят человек, включая женщин и детей, держалась три года после подавления восстания и падения Иерусалима. Десятый римский легион больше года осаждал её, возводя насыпь и готовясь к штурму. Когда защитникам стало ясно, что они не смогут противостоять многократно превосходящему противнику, было решено совершить коллективное самоубийство. Макс, как и все туристы, получил вместе с билетом на фуникулёр небольшой буклет по истории Масады. В нём была приведена последняя речь командира крепости Элиазара Бен-Яира, текст которой сохранился благодаря сочинению Иосифа Флавия «Иудейская война». Несмотря на двухтысячелетнюю давность, Макс прочитал её с большим волнением. «Братья, мы первыми восстали против римлян и последними заканчиваем войну. Пришёл наш час. Завтра те из нас, кто уцелеют в битве, могут попасть в руки врагов, стать рабами и быть растерзанными дикими зверями на потеху язычникам. Но сегодня мы вольны выбрать славную смерть вместе с теми, кого мы любим. Наши жёны умрут непопороченными, наши дети не познают ужасов рабства. Но прежде мы истребим огнём дворцовые сокровища. Только съестные припасы оставим в целости. Это покажет римлянам, что не голод нас принудил, а сами решили умереть свободными людьми в своей стране. Пока наши руки ещё не скованы цепями и могут держать меч, пусть они послужат нам последний раз. В огне и крови Иудея погибла. В огне и крови Иудея возродится. Шма, Исраэль!»⁵ «Шма, Исраэль!» – ответили сотни голосов. После этого каждый убил свою семью. Потом избрали по жребию группу воинов, которые закололи остальных. Наконец, последние оставшиеся десять человек метнули жребий, и тот, кому он выпал, заколол товарищей, а затем пронзил себя мечом. В живых остались только две старые женщины, которые подробно рассказали римлянам, что произошло. Командующий легионом Флавий Сильва был ошеломлён. Воздавая должное величю духа осаждённых и их презрению к смерти, он приказал, вопреки традиции, не праздновать победу... Спустя почти два тысячелетия при археологических раскопках в небольшой пещере около крепостной стены были найдены двадцать пять скелетов мужчин, женщин и детей. В 1969 году они были захоронены с воинскими почестями. Ежегодно в крепости принимают присягу солдаты бронетанковых войск. Её последние слова – «Масада больше не падёт!»

...После Мёртвого моря Макс и Эсти вернулись в Тель-Авив, а потом отправились на два дня в Галилею, называемую израильской Швейцарией. Макс улетел в

⁵ «Слушай, Израиль!» – последние слова евреев перед смертью.

Вену, полный впечатлений от переговоров со Шмуэлем, от Израиля и, конечно, от встреч с Эсти. Всё складывалось как нельзя лучше – партнёрство с «Дабл Эй», ожидание предстоящих открытий в Альберте, какой-то волнующий, но не очень понятный поворот в личной жизни...

15

Макс вызвал секретаря.

– Эрна, закажите пропуск для Зигфрида Кляйна. Когда он придёт, сразу же пригласите ко мне.

– Хорошо, господин Адлер.

Кляйн появился за десять минут до назначенного времени. Он оглядел кабинет и одобрительно хмыкнул.

– Привет, Макс. Ты хорошо устроился. Рад за тебя. Наслышан, что тут у вас происходит. Однажды даже хотел позвонить, но решил, что ты это неправильно истолкуешь. Подумал, может, сам когда-нибудь вспомнишь. Мы ведь неплохо работали вместе, если не считать этих нелепых последних лет.

– Не будем об этом, Зигфрид. Я пригласил тебя не для воспоминаний. Как ты, чем занимаешься?

– Консультирую иностранные компании. Недавно закончил большую работу по Болгарии. Получил приглашение от Албанской нефтяной компании. В общем, кручусь понемногу. Без работы не сижу.

– Опасная у тебя работа.

– Опасная? Что ты имеешь в виду?

Макс снял с полки последний номер американского журнала «Oil and Gas».

– Вот, взгляни на этот рисунок.

Кляйн посмотрел и рассмеялся. Два детектива разглядывают труп, и один из них говорит: «Судя по жестокости и количеству ножевых ранений, убитый, видимо, был консультантом по разведке нефти».

– Да, не дай бог втянуть заказчика в проект типа «Большой мухи». Легко можно оказаться в положении этого парня.

– Хочешь поработать в Австралии? – спросил Макс.

– В Австралии? Для «Эрдойль»?

– Нет. Никакого отношения к «Эрдойль». Это частный проект для одной небольшой иностранной фирмы. Она ведёт разведочное бурение, но у них нет своего геолога. Гонорар весьма приличный, намного больше, чем тебе платят болгары или албанцы.

– Что за работа?

– Геологический контроль за бурением разведочных скважин, их испытание и подсчёт запасов. По окончании разведки они хотят продать месторождение. Поэтому надо будет участвовать в тендере в качестве эксперта по геологии.

– Ну что ж, дело привычное. Когда начинать?

– Через месяц у них стартуют три скважины. Три они уже пробурили. К этому времени тебе надо быть на месте. И ещё вот что. Работа абсолютно конфиденциальная. Никто здесь о ней знать не должен. Поэтому всё это время ты обязан жить в режиме сухого закона. Если сорвёшься, контракт будет сразу расторгнут.

– С этим всё в порядке, Макс. Я уже больше года, как завязал.

– Так что, берёшься?

– Нет проблем. Макс, ты упомянул гонорар. Нельзя ли уточнить, о какой сумме идёт речь?

– Речь идёт о повременной оплате. Сколько тебе платят заказчики в месяц?

Кляйн назвал цифру.

– Будешь получать в тройном размере, – сказал Макс. – Но повторяю – никакой утечки информации. Даже о том, что я тебя рекомендовал на эту работу, никто знать не должен. От её результатов зависят твои дальнейшие заказы.

– Понял. Можешь не беспокоиться. Ты меня знаешь.

Блок Стин Ривер вызвал интерес у многих компаний. Поэтому торги были упорными. Макс увеличил взнос при подписании контракта до двух миллионов долларов и включил в заявку ряд дополнительных обязательств, которые могли склонить чашу весов в пользу «Эрдойль». Они касались главным образом сокращения сроков разведочных работ, в чём правительство Альберты было особенно заинтересовано. В итоге компания выиграла тендер, и Макс сообщил Рону, что они могут приступить к отбору образцов.

Ответный факс пришёл в тот же день. В нём указывалось место и время встречи с Пьером Леже в Калгари, а также уточнялись обязанности геолога «Эрдойль», который будет с ним работать. Под верхним обрезом страницы были обозначены стандартные данные: время отправления, факс отправителя и название компании «Дабл Эй». Всё это машина в Тель-Авиве печатала автоматически.

Эрна приняла факс и сняла с него копию. Оригинал сразу же передала Максу, а копию положила в сумочку...

Рудольф Вернер попросил секретаря пригласить к нему Рейнгольда Кларке. Это был новый сотрудник бумажного синдиката.

– Рейнгольд, у меня к вам не совсем обычный вопрос. Вы ведь раньше работали в нефтяной компании. Не приходилось ли вам слышать о какой-то новой разведочной технологии, – Вернер заглянул в блокнот и прочитал: «которая позволяет обнаруживать месторождения быстро и с минимальными затратами и которая разработана небольшой фирмой»?

– Видите ли, господин Вернер, я не специалист по разведке, хотя и имею некоторое представление о ней. Это определение, я бы сказал, слишком общее, расплывчатое. Насколько мне известно, каждая компания старается вести разведку быстро и с минимальными затратами. Здесь многое зависит от опыта и квалификации персонала.

– Это понятно, Рейнгольд. Я имею в виду нечто совершенно другое – новая технология или, возможно, изобретение, которые никак не связаны с квалификацией персонала.

– Боюсь, что не смогу быть вам полезным, господин Вернер. Если была бы какая-нибудь дополнительная информация. Ну, допустим, техническая основа изобретения или хотя бы название фирмы...

– Да, я понимаю. Данных мало. Точнее, их почти нет. Хорошо, можете идти.

Год назад Рональд Кларк, начальник отдела специальных проектов «Альбион Энерджи», находился в районе дельты Амазонки, где улаживал конфликт с бразильскими индейцами из-за бурения разведочной скважины на их землях. Он только что вернулся на базу в городке Белем после трехдневной поездки на остров Кавьяна. Его ждал факс из Лондона с сообщением об аварии вертолёта, гибели руководства компании и предписанием о немедленном возвращении. Кларк сразу же связался с транспортным отделом и выяснил, что вертолёт прошёл техосмотр за три дня до злополучного рейса. Старший авиамеханик заверил его, что машина была в полном порядке, а погодные условия нормальные. Он добавил, что в день аварии внезапно исчез помощник механика, ирландец, который был принят на работу девять месяцев назад. У многих это вызывает подозрение. Не исключено, что здесь замешаны террористы из Ирландской республиканской армии.

Кларк умел анализировать факты, извлекать из них нужную информацию и делать правильные выводы. Он вспомнил, уже не в первый раз, операцию в Лонгриче

и угрозу Алекса Франка: «Когда что-то случается с нашими людьми, то виновные просто взрываются в своих машинах и офисах». Да, всё сходится. Это, несомненно, их рук дело. Ирландцы здесь ни при чём. После взрыва самолёта с людьми «Дабл Эй» Кларк жил в тревожном ожидании, что что-то должно произойти. Теперь он не сомневался, что следующим будет он, Рональд Кларк, непосредственный исполнитель акции. Если уж они добрались до вершины компании, то ему вряд ли удастся ускользнуть. Что же делать? Вернуться в Лондон и принять участие в расследовании? Без него оно не сможет пойти в правильном направлении. Только он держит в руках ключ к событиям и понимает, что произошло.

Кларк сделал глоток виски и закурил сигару. «Но какой вообще смысл в расследовании? – подумал он. – Даже если вертолёт поднимут со дна и установят, что это была диверсия, – что дальше? Тех, кто это сделал, наверняка след простыл. А те, кто стоит за ними, навсегда останутся в тени и вне досягаемости». Каким бы странным это ни казалось, расследование было не только бесполезным, но и нежелательным. По ходу следствия обязательно всплывёт история с «Дабл Эй», и ничего хорошего это не предвещает. Как всегда в таких случаях, потребуется козёл отпущения. А лучшего кандидата на эту роль, чем он сам, не найти. Кларк стряхнул пепел и отхлебнул ещё виски. Мелькнула мысль, что дело принимает слишком личный оборот. При любом раскладе ему несдобровать. Или на нём отыграется компания, или, что ещё хуже, – те, кто устроил аварию вертолёта. Нет, он не вернётся в Англию. Сейчас единственный выход – это затеряться в огромном мире и начать новую жизнь.

Кларк положил на стол стопку газет, накопившихся за время его отсутствия, и стал рассеянно просматривать их. Неожиданно его внимание привлёк раздел объявлений о работе в «Файнэншиэл Таймс». Требуются, приглашаются, хорошие условия... Эти объявления как нельзя более соответствовали его мыслям. «Найти работу будет не так уж трудно, – подумал он. – Несколько лет на должности менеджера в крупной компании, диплом психолога Кембриджа, докторантура Боннского университета, знание основных европейских языков... Жизнь снова может обернуться не худшей своей стороной...» Он перевернул страницу и увидел объявление бумажного синдиката в Вене: «Требуется руководитель сектора англоязычных стран в отделе экспорта... Свободное владение немецким и английским... Опыт ведения деловых переговоров... Знание основ психологии торговли и бизнеса...»

Через месяц Кларк уже работал в синдикате. Он слегка изменил свою внешность, вместо пышной шевелюры была теперь короткая стрижка. А главное – должность руководителя сектора занял не Рональд Кларк, а Рейнгольд Кларке, доктор психологии Боннского университета.

Вернер снова вызвал Кларке.

– Рейнгольд, в прошлый раз вы сказали, что нужна какая-нибудь дополнительная информация. Вот, взгляните на этот факс. Он адресован Максиму Адлеру из «Эрдойль Гезельшафт». Нет ли в нём чего-то, что приблизит нас к пониманию вопроса?

Кларке начал читать текст. Первым, что бросилось в глаза, было хорошо знакомое название «Дабл Эй» под верхним обрезом. Затем имя Пьер Леже. Это тот парень, которого разыскал Дэвис из «Игл Корпорэйшн» и о котором он рассказал покойному Ларри Эвансу. Кларке прочитал короткий текст дважды и запомнил его. Потом вернул Вернеру.

– К сожалению, здесь нет ничего такого, что может прояснить вопрос. Во всяком случае, мне это ни о чём не говорит. Но хочу ещё раз подчеркнуть, что я не специалист в этой области.

– Понимаю. А что такое, по-вашему, «Дабл Эй»?

– Трудно сказать. Возможно, это какая-то маркировка. Так, как вы знаете, обозначается степень надёжности акций и других ценных бумаг – Дабл Эй, Трипл Эй⁶. Здесь это может указывать на степень срочности или важности информации.

– Да, логично. Но нам это ничего не объясняет. Спасибо, Рейнгольд. Это всё, что я хотел спросить. Можете идти.

У Кларка-Кларке не было ни малейшего желания опять впутываться в какие-либо дела, связанные с «Дабл Эй». Не для того он перебрался в тихую Австрию и сменил имя, чтобы снова оказаться в водовороте кровавых событий. Вернер ещё не знает, во что ввязывается. Но предупредить его он не может. Это раскрыло бы тайну самого Кларка. Поэтому лучше держаться от всего подальше...

И тем не менее этот эпизод заставил его снова вспомнить всю цепь драматических событий. С чего всё начиналось? С информации, которую Эванс получил от своего приятеля Дэвиса. Сам Дэвис и его «Игл Корпорэйшн» остались в стороне и перекинули hot potato⁷ руководству «Альбион Энерджи», где первую скрипку играл напористый мачо Бриссон, Гарри-ковбой. И вот, из-за этого авантюриста, он, Рональд Кларк, сидит сейчас в бумажном синдикате и дрожит за свою жизнь. Ведь он предупреждал его, что с «Мосадом» нельзя связываться...

Все эти мысли и воспоминания вызвали у Кларка острое желание расквитаться с кем-нибудь за свою сломанную карьеру. Но с кем? Не с теми же, для кого кабина вертолёта стала общим саркофагом. А не перебросить ли hot potato обратно туда, откуда они её получили? Идея ему понравилась. Он нашёл в Интернете факс Дэвиса и отправил ему анонимное сообщение: «Фирма “Дабл Эй” планирует отбор образцов почвы для “Эрдойль Гезельшафт” на разведочном блоке Стин Ривер. Руководит работой Макс Адлер. Отбор будет производить известный вам Пьер Леже, который встречается с геологом “Эрдойль” в Калгари, в таком-то месте, в такое-то время». Чтобы на факсе не появились слова «Бумажный синдикат», Кларк отправил его из ближайшего почтового отделения.

Билл Дэвис прочитал факс ещё раз. Он вызвал у него какое-то тревожное ощущение. Что-то было здесь явно не так, не в соответствии с нормами и правилами деловой переписки. И главное в этом несоответствии, конечно, отсутствие подписи. Он снял трубку и набрал номер Джека Тэйлора: «Зайдите, Джек».

– Вот, Джек, прочитайте, – сказал он и передал ему текст. – Что вы об этом думаете?

– Станный факс. Анонимный. Слова «известный вам Пьер Леже» говорят о том, что автор знает что-то о нашем прошлом интересе к «Дабл Эй» и о встрече с этим парнем из Квебека. Вы, Билл, рассказывали эту историю только покойному Ларри Эвансу, не так ли?

– Только ему и никому больше.

– Но факс не из Лондона, а из Вены. Из какого-то почтового отделения. Это тоже странно. Ясно одно – кто-то заинтересован снова столкнуть нас с «Дабл Эй», но сам при этом хочет остаться в стороне. Не думаю, что мы должны реагировать на такую информацию, очень похожую на провокацию. Вспомните две загадочные авиационные катастрофы – самолёта с людьми «Дабл Эй» в Австралии, о которой вам рассказал Эванс, и ровно через год гибель его самого и всей верхушки «Альбион Энерджи» в Северном море. У меня интуитивное чувство, что эти события как-то связаны между собой. В любом случае нам лучше в эти дела не впутываться. А что касается факса, то его нужно просто выбросить.

---

⁶ Double AA, Triple AAA, англ. – двойная и тройная надёжность.

⁷ Hot potato – «горячая картофелина», англ. – неприятная или опасная проблема, от которой стараются избавиться или перебросить другому.

– Пожалуй, вы правы, Джек. Я так и сделаю.

Когда Тэйлор ушёл, Дэвис отыскал в Интернете факс нового вице-президента «Альбион Энерджи», занявшего место покойного Эванса, и переадресовал сообщение ему. Затем спустился на первый этаж, зашёл в небольшой магазин фотопринадлежностей и переслал оттуда факс в Лондон. Он тоже не хотел держать в руках горячую картофелину. Но и забывать о неприятных и даже трагических событиях, связанных с «Дабл Эй», не собирался. Что-то, сидевшее глубоко в душе, не давало ему простить и прокол Фрэйзера из «Независимых детективов» в Вермиллионе, и скандальную итальянскую афёру, стоившую карьеры Андерсону, и гибель его друга Ларри Эванса. «Проблема не исчезла. Попробуем ещё раз разобраться с ней», – подумал Дэвис и усмехнулся...

16

Разведочные работы в Канаде и в Австралии продвигались успешно. «Дабл Эй» выполнила анализ образцов почвы на блоке Стин Ривер, и Макс определил по ним участки для бурения. Три первые скважины были намечены на зиму, и он планировал на это время приезд в Канаду. Текущей оперативной работой по блоку занимался филиал «Эрдойль» в Калгари, а Дейв Пауэлл получил новое проектное задание – разведку концессии в Северном море. Хотя Макс теперь и доверял ему, но не настолько, чтобы посвятить в дела, связанные с «Дабл Эй».

Зигфрид Кляйн уверенно и грамотно вёл работы на блоке Уинтон. Макс регулярно получал от него информацию на свой домашний компьютер и по телефону. Таким образом, «Эрдойль» не была вовлечена ни прямо, ни косвенно в то, что происходило в Австралии.

Макс прилетел в Калгари солнечным зимним утром. Он взглянул на заснеженные поля вокруг аэропорта и подумал, что не зря захватил горнолыжное снаряжение. Его встречал Франц Пик, менеджер канадского филиала. По дороге он сообщил последнюю информацию о бурении на Стин Ривер и сказал, что вертолёт заказан и завтра они могут лететь в район разведки.

Следующий день Макс и Франц провели на буровых. Все три скважины уже прошли первые сотни метров. Макс познакомился с инженерами, обсудил с ними геологические аспекты бурения и внёс в проект кое-какие незначительные изменения. В Калгари вернулись поздно вечером. Утром Макс побывал в офисе филиала, где Франц представил ему сотрудников.

И вот, наконец, он закончил дела, уложил вещи в джип «тойоту», закрепил на нём лыжи и отправился на неделю в горы. Конечным пунктом поездки был городок Кимберли, недалеко от американской границы, лежащий у подножья самой длинной освещённой горнолыжной трассы в Северной Америке. Поэтому сюда съезжаются любители ночного катания со всего континента. Макс выехал на Трансканадский хайвей и повернул на запад. Через сто километров равнина закончилась и дорога вошла в канадские «рокки». Он проехал на запад ещё пятьдесят километров, миновал жемчужину этого края городок Банфф с его всемирно известным Международным центром искусств, повернул на юг по девяносто третьей дороге и пересёк границу Альберты с Британской Колумбией. Ещё двести пятьдесят километров вдоль величественных горных вершин, глубоких ущелий, стремительных горных рек, горячих источников и индейских резерваций, и вот перед ним возник словно игрушечный Кимберли, считающийся из-за своей архитектуры «самым австрийским городком» в Скалистых горах. И действительно, сочетание типичных тиролевских домиков и улочек с петляющими горнолыжными трассами на соседних вершинах напомнило Максиму район Инсбрука в Австрийских Альпах, где он обычно проводил зимний отпуск.

Он доехал до места в полдень, как и рассчитывал. Зарезервированный накануне небольшой уютный коттедж, внешне напоминавший горную хижину, уже подготовили к его приезду. Около камина были аккуратно сложены наколотые сухие поленья, на столе стояли ваза с фруктами и бутылка «Шабли». Макс принял душ, перекусил, немного отдохнул и облачился в горнолыжный костюм. Он не вставал на лыжи почти год и не стал терять время.

Через десять минут кресельный подъёмник уже плавно нёс его к вершине горы Северная Звезда. Сидя в кресле высоко над землёй, Макс с каким-то привычным, но неизменно восторженным трепетом осматривал сказочно красивые окрестности. Лыжи были для него не только стремительным бегом вниз по склону, но и неповторимым зрелищем, волшебным сочетанием горных вершин, голубых озёр, ослепительно белого снега и солнца. На всё это можно было смотреть только через специальные защитные очки, закрывающие половину лица. Они приглушали яркие солнечные краски и придавали им фантастический желтовато-голубоватый оттенок. Макс всегда воспринимал это зрелище как воплощение всего самого прекрасного и волнующего, что есть не только в природе, но и, по некой необъяснимой ассоциации, в искусстве – живописи, скульптуре, музыке, поэзии. Кроме того, он хорошо представлял себе, как рождались эти горы, какие глобальные катаклизмы сталкивали континенты и океанические плиты, как из всего этого хаоса возникла удивительная гармония горных хребтов и долин. И это знание добавляло к его восприятию ещё одну грань, связанную с тектоническими играми природы, которые для Макса были столь же понятны и реальны, как застывший современный горный ландшафт.

Двухместное кресло подъёмника приближалось к вершине. Макс откинул наверх предохранительную раму, поднял концы лыж и приготовился спрыгнуть на снег.

– Вы направо или налево? – предупредительно спросил сосед, чтобы отъехать в разные стороны и избежать столкновения при соскоке.

– Всё равно, – ответил Макс.

– Тогда я направо. О'кей?

– О'кей.

Макс легко соскочил с продолжавшего двигаться кресла и отъехал на левую стартовую площадку. Он окинул взглядом уходящую круто вниз извилистую трассу «Олений рог», согнул колени, сильно оттолкнулся палками и начал спуск, быстро набирая скорость. Ветер свистел в ушах, края лыж с хрустом резали снег на виражах – вжик, вжик... Возникло знакомое ощущение абсолютного владения телом и полного контроля над скоростью. Макс любил быстрый спуск, азарт обгона и своеобразную игру, когда ты некоторое время идёшь за кем-то след в след, повторяя его движения, а потом вдруг резко набираешь скорость и уходишь вперёд.

...Далеко внизу он заметил женскую фигурку. Она спускалась легко и изящно, длинными прямыми ходами с едва заметными виражами. Макс увеличил скорость и сократил расстояние с ней. Её техника была безупречна. Она шла на параллельных лыжах, ноги тесно прижаты одна к другой, корпус неподвижен, и только оба колена отклоняются вместе то влево, то вправо. Вот она выбрасывает вперёд правую палку, делает лёгкий укол около острия лыжи, переносит тяжесть тела на другую лыжу и входит в короткий левый вираж. Потом левая палка идёт вперёд – и такой же правый вираж. Приталенный костюм подчёркивал её ладную фигуру. Длинные рыжие волосы, схваченные на лбу и сзади широкой резиновой лентой, распластались на ветру. Макс какое-то время идёт за ней след в след, а потом обгоняет. Поравнявшись, он бросает на неё быстрый взгляд, но увидеть лицо не удаётся – оно закрыто защитными очками. Непонятно почему, но ему вдруг очень захотелось увидеть его. Объяснить это желание он не может, да и не пытается. Он просто подчиняется ему. Макс сбрасывает скорость и пропускает лыжницу вперёд. До конца спуска он висит у неё на хвосте. В конце трассы она делает

широкую плавную дугу и подъезжает к очереди на подъёмник. Макс повторяет дугу и становится за её спиной. Очередь короткая и движется быстро. Он подсчитывает пары и понимает, что они окажутся в одном кресле.

С полминуты они едут молча. Макс боится разрушить овладевшее им какое-то волнующее предчувствие. Наконец, он медленно поворачивает голову, пристально смотрит на неё и тихо произносит: «Джулия». Она замирает и продолжает неподвижно смотреть прямо перед собой. Затем, не меняя позы, шепчет чуть слышно, одними губами: «Боже мой, Макс».

Комната была слабо освещена. Горели только три свечи по углам. В камине потрескивали поленья. На столе почти нетронутый ужин, заказанный в ресторане. Макс и Джулия сидели на диване, прижавшись друг к другу. Он обнял её за плечи. Они разговаривали уже несколько часов. Время от времени возникали долгие паузы, которые заполнялись поцелуями.

Макс узнал, что Джулия развелась с мужем три года назад, что у неё есть сын, студент Гарварда. Она живёт в Банфе, где руководит балетной студией в Центре искусств. Он рассказал ей о себе, главным образом о том, что её особенно интересовало, – что он не женат и что у него нет детей. Драматических событий последнего года Макс не коснулся.

– Ты уже три года одна. У тебя есть кто-то? – спросил он.

– Теперь есть. И не кто-то, а тот, кто был всегда. Был в моих мыслях, в моём сердце. Его зовут Макс Адлер.

– Я не о том, – Макс улыбнулся.

– А я о том. И ни о ком другом. И знаешь что, – не задавай глупые вопросы. Макс поцеловал её.

– Все эти годы я часто вспоминал тебя, – сказал он. – И нередко в самой неожиданной ситуации и в самом неожиданном месте. Когда-нибудь расскажу об этом. Ты очень удивисься, узнав, где и когда это происходило.

– Например? Ты меня заинтриговал. Скажи сейчас.

– Нет, сейчас не время. Как-нибудь потом.

– Ну хорошо. Давай о другом. Двадцать пять лет назад ты сделал мне предложение. Оно ещё в силе?

– Разумеется. У него нет срока давности.

– Я согласна.

– Ты уверена? Даже если я так же беден, как тогда?

– Для меня это никогда не имело значения. Богатство – самая зыбкая разновидность счастья. Знаю по своей семье.

– Ну, а если я очень богат? Ты всё равно согласна?

– Тогда подумаю.

– Ты прелесть, Джулия. Я действительно богат. А теперь, когда у меня есть ты, я сказочно богат. И снова прошу тебя стать моей женой.

– Пожалуй, я всё-таки согласна. Несмотря на твоё сказочное богатство. И знаешь, Макс, мы так долго ждали этого дня, что не будем откладывать и снова испытывать судьбу. Как только приедем в Банф, сразу же зарегистрируем брак в мэрии. Не возражаешь?

– Я готов ехать в Банф прямо сейчас.

– Сейчас не надо. Сейчас мы сделаем что-то другое. Немного переставим местами события и устроим настоящую первую брачную ночь. А потом в Банфе ещё одну.

...В три часа ночи в голову Джулии пришла новая идея.

– Где это сказано, что первую брачную ночь нужно всю проводить в постели? Она спрыгнула с кровати, подошла к окну и раздвинула занавески.

– Посмотри, что делается на трассе.

Макс направился к другому окну. Комната была освещена только неровными отблесками горевших поленьев. Прежде чем взглянуть в окно, он посмотрел на Джулию. Она стояла между ним и камином. Её точёная, будто изваянная из мрамора, фигура балерины была очерчена огненными бликами. И каждая новая вспышка огня выхватывала из полумрака и освещала какую-нибудь другую часть тела – грудь, бедро, ногу.

– Ты не представляешь, дорогая, как красиво твоё тело в свете каминного огня.

– Ты хочешь сказать, дорогой, что камин – это самое подходящее освещение для сорокапятилетней женщины? – Джулия засмеялась. – Нет, ты всё-таки посмотри в окно.

Лыжная трасса была освещена. Работали подъёмники. По снегу скользили лыжники. Макс вдруг вспомнились слова Шарля Ле Корбюзье: – В доме должны быть три главные вещи: первая – вид из окна, вторая – вид из окна и третья – вид из окна».

– Давай покатаемся пару часиков, – предложила Джулия.

И вот они снова на склоне. В ночном катании есть своя прелесть. Защитные очки не нужны. Без них краски более естественные, хотя и не такие яркие, как днём. Из установленных вдоль трассы динамиков льётся хорошо подобранная музыка.

– Первое брачное ночное катание, – Джулия улыбнулась. – Будет, что вспомнить и рассказать детям.

– Кому? – удивился Макс.

– Детям, – невозмутимо повторила Джулия, – нашим детям. Твоим и моим. Что тебя так удивило?

– Просто не думал об этом, – Макс замялся.

– Как так – не думал? Кому же ты оставишь своё сказочное богатство? Союзу девственниц или Армии спасения?

– Нет, но... видишь ли... возраст...

– Макс, тебе только пятьдесят шесть. Сам же говорил, что ты из породы долгожителей. Ещё внуков дождётся. Я тоже в полном порядке. Какие проблемы?

– Ты права, дорогая, проблем нет. Поэтому, пока ты ещё не беременна, давай-ка пройдемся по «чёрному ромбу»⁸.

– Не возражаю. Хотя насчёт беременности теперь не уверена.

Оба расхохотались. Через несколько минут они уже мчались по трассе «Тюлений ласт», вдоль которой стояли указатели с чёрными ромбами. Лыжи прыгали по бугристому склону, напоминая удары тюленьих ласт по снегу. Отсюда и название. Здесь требовалась особая техника, которой Макс и Джулия хорошо владели.

«Что за год! – подумал вдруг Макс. – Увольнение, наследство деда Оскара, Совет директоров, прямой метод. И в довершение всего – Джулия. Такой год заслуживает названия, как в Китае. Пусть он будет годом Золотого Брегета... Судьба знает, куда ведёт нас. Но мы узнаем это только в конце пути...»

После регистрации брака в мэрии неожиданно самым сложным оказался вопрос о том, где им жить дальше. Джулия решительно отказалась возвращаться в Австрию, а Макс не мыслил свою жизнь без «Эрдойль». Они перебрали и обсудили различные варианты, включая Швейцарию, Францию, Америку, но ни на одном не остановились. Проблема была сложнее, чем казалась на первый взгляд. В конце концов они решили провести медовый месяц на Гавайях, а затем снова вернуться к ней. Но сделать это пришлось несколько раньше. Однажды, на острове Кауаи, они стояли на плоской вершине утёса, с которого речка Вайлуа сры-

---

⁸Трасса высшей категории сложности.

вається вниз, образуя самый красивый водопад архипелага. Джулия вдруг сказала: «Какое зрелище! Если бы не беременность, подошла бы к самому краю». Макс уже привык к её милой манере – говорить о делах первостепенной важности как бы невзначай, между прочим. И при этом смотреть ему прямо в глаза. «О Джулия!» – только и смог он воскликнуть. В этом возгласе было всё – любовь, благодарность, счастье... «Я никогда не бросаю слов на ветер», – подчёркнуто спокойно заметила она.

17

Разведка блоков Стин Ривер и Уинтон закончилась почти одновременно. На севере Альберты была обнаружена группа нефтяных месторождений, связанных с древними рифами. Как только появилось официальное сообщение об этом, стоимость акций «Эрдойль» резко подскочила. Макс выполнил обещание, данное на собрании акционеров.

Обе стороны были более чем довольны результатами сотрудничества друг с другом. У Шмуэля постепенно крепло убеждение, что участие Макса в их совместной работе не должно стать лишь эпизодом. Теперь он не сомневался, что в профессиональном отношении Макс не уступает Алексу, а по административному опыту и связям в нефтяном мире превосходит его. Поэтому если «Дабл Эй» будет и дальше заниматься тем бизнесом, стратегию которого разработал Алекс, то без Макса им не обойтись.

...На этот раз они встретились в Вене, в доме Макса. Разговор с самого начала принял деловой откровенный характер.

– Макс, я прилетел сюда, чтобы сделать вам серьёзное предложение. Но прежде хочу сказать, что я очень доволен работой, которую вы и Кляйн проделали в Австралии. Насколько я знаю, наша карта по блоку Стин Ривер также полностью подтвердилась, и вы не пробурили ни одной сухой скважины.

– Да, всё совершенно верно. Ваш метод указал нефтеносные рифы абсолютно точно. Скажу больше. Мы всё-таки пробурили две сухие скважины. Но они лишь подтвердили надёжность метода. Мы пробурили их намеренно на рифах, которые на вашей карте были отмечены как пустые, без нефти. Это была дополнительная проверка метода на отрицательный результат, если так можно выразиться. Иногда, как вы знаете, плохие результаты намного хуже, а хорошие – намного лучше, чем ожидается. На Стин Ривер получился второй вариант – результаты превзошли наши ожидания.

– Прекрасно. Итак, вы проверили метод, а мы проверили вас. Поэтому я сейчас здесь. Я полагаю, что наше сотрудничество не должно на этом закончиться. Наоборот, это только начало. Надеюсь, вы того же мнения. Помните, тогда, на кладбище, я сказал о своём предчувствии, что вы примете эстафету от Алекса и Андрея?

– Помню. И сейчас у меня нет возражений.

– Замечательно. Видите ли, Макс, я не геолог и вообще не нефтяник. Моя специальность – деньги. Поэтому давайте перейдём к ним. Вы знаете, за сколько мы продали Камерон?

– Не знаю, но примерно представляю.

– Мы продали Камерон за триста пятьдесят миллионов долларов. Месторождение Уинтон стоит не меньше, если не больше. На него уже есть покупатель. Разведка одного такого месторождения занимает примерно полгода. Работая без особого напряжения, мы можем готовить по три месторождения каждые два года. Грубо это почти миллиард долларов. Ни один другой бизнес не обеспечивает даже близкую норму прибыли. Полагаю, что дивиденды вашего пакета акций «Эрд-

ойль» в лучшие годы на много порядков ниже этой цифры. Извините, Макс, если затрагиваю ваши личные финансовые дела...

– Всё в порядке, Шмуэль. Я внимательно слушаю вас.

– Очень хорошо. Я предлагаю вам официально присоединиться к «Дабл Эй». Сейчас компания принадлежит трём владельцам. Моя доля составляет семьдесят процентов, и семьи Алекса и Андрея имеют по пятнадцать процентов. Остальной персонал – наёмные работники. Если вы примете предложение, то я готов продать вам часть своей доли, вплоть до тридцати процентов. «Дабл Эй» – это особая компания. Она не имеет промышленной инфраструктуры и стационарной собственности. Всё, чем мы владеем, это месторождения до их продажи и финансовые активы. Поэтому цена долевого участия по сравнению с доходами относительно невелика. После присоединения к компании вы автоматически получите доступ к ноу-хау. Это то, что касается финансовой стороны дела. Теперь о личных и профессиональных обязательствах. Вам придётся уйти из «Эрдойль». Как вы понимаете, совмещать интересы обеих компаний невозможно. Разумеется, вы можете сохранить пакет акций и получать дивиденды, но участие в работе австрийской компании исключается. Такова в общих чертах суть предложения.

– Всё это довольно неожиданно. Я должен подумать, Шмуэль, – сказал Макс.

– Да, конечно. Надеюсь, это не займёт много времени.

– Полагаю, что завтра смогу дать ответ. А пока такой вопрос. Как вы себе представляете нашу совместную работу в территориальном плане? Должны ли мы иметь общий офис в одной стране?

– Это не обязательно. Вы можете жить в любой стране. В Австрии или где-либо ещё. При нынешнем уровне электронных коммуникаций это не имеет особого значения.

– Ну что ж, это упрощает проблему. Знаете, Шмуэль, я ведь недавно женился. И моя жена ждёт ребёнка. А живёт она в Альберте, в прелестном горном городке Банф. И не хочет уезжать из него. Если я приму ваше предложение, то смогу открыть офис в Банфе. Не так ли?

– Почему бы и нет. В любом месте земного шара, кроме Арктики и Антарктики. Так вы теперь женатый человек, Макс. Примите мои искренние поздравления.

– Спасибо, Шмуэль.

– Мне начинает казаться, Макс, что вы склонны принять моё предложение. Не так ли?

– Пока ничего не могу сказать. Я должен подумать. Завтра дам окончательный ответ.

– Хорошо. До завтра.

Вечером позвонила Эсти и снова попыталась уговорить Макса встретиться где-нибудь в Европе.

– Макс, ты нарушаешь иерусалимскую конвенцию. Поверь, женитьба – это не форс-мажорное обстоятельство и не повод для прекращения наших отношений.

– Сожалею, Эсти, но я вынужден денонсировать конвенцию в одностороннем порядке, – в голосе Макса послышалась шутивная интонация. – А если серьёзно, то для меня женитьба – это больше, чем просто изменение семейного положения. Я женился на женщине, которую любил всю жизнь. И у нас скоро будет ребёнок.

– Вот как. Рада за тебя. И всё-таки очень жаль... Ну что ж, давай сохраним хорошие воспоминания.

– В этом можешь не сомневаться. Ты была прекрасным мгновением в моей жизни.

– Спасибо, Макс. Будь счастлив.

– И ты будь счастлива, Эсти.

На следующий день Макс дал согласие на предложение Шмуэля. Сразу после этого они обсудили некоторые общие юридические вопросы, связанные с его присоединением к «Дабл Эй», и договорились, что окончательным оформлением документов займётся Рон Берман. «Рон ознакомит вас также с материалами расследования событий, которые произошли в Австралии. Вы должны будете изучить их внимательно. У нас нет права на ещё одну ошибку», – сказал Шмуэль.

18

...Прошло три года. В малоэтажном Банфе на берегу горной реки появилось новое четырёхэтажное здание из чёрного базальта, стекла и бетона. На его фронто́не были выбиты две большие буквы «АА» и ничего больше. Широкие окна кабинета Макса выходили на трёхглавую горную вершину причудливой формы, как бы охраняющую город. Название её, «Три сестры», напоминало о пьесе Чехова, которую он видел когда-то в Вене. На стене, напротив его письменного стола, висели портреты Алекса и Андрея, подаренные Шмуэлем. Иногда Макс пристально всматривался в их лица, словно пытаясь понять некую тайну, связанную с этими двумя парнями из России, почти его ровесниками, чья трагическая судьба так тесно переплелась с его собственной. Как им удалось то, в чём потерпели неудачу все остальные? Счастливый случай, внезапное озарение или долгий целеустремлённый поиск? Что их объединяло, и в чём они отличались друг от друга? Внешне Алекс и Андрей были очень разные. Но что-то неуловимое сближало их даже на фотографиях. Наконец, Макс понял, в чём дело. Это было выражение глаз, а точнее – взгляд. Оба смотрели на него в упор, будто хотели не то спросить о чём-то, не то предупредить. Было в этом взгляде и напутствие, и предостережение одновременно. Они как бы говорили ему: «Макс, судьба выбрала тебя из тысяч других. Но не забывай, что за всё надо платить. И не только деньгами. В бизнесе, как и на войне, важны не отдельные победы, а конечный результат».

Макс придавал особое значение тому, что Алекс и Андрей были из России. У него имелись для этого веские причины. Работая в «Эрдойль», он много слышал о российских геологах. Их поразительные успехи на территории Австрии превратились в своего рода легенду, которая берёт начало со времени аншлюса, когда поиски нефти в стране резко активизировались. Германия катастрофически нуждалась в горючем и не жалела средств на разведочные работы. Открытие новых месторождений в Австрии стало стратегической задачей. Но несмотря на все усилия, результаты оказались более чем скромными. До конца войны были обнаружены только четыре очень маленькие залежи. Это привело к выводу, что потенциал открытий исчерпан и дальнейшие поиски не имеют смысла. После войны восточная часть Австрии вошла в советскую зону оккупации, и здесь было создано Советское нефтяное управление. Российские геологи, использовав уникальный опыт открытия более тысячи месторождений в собственной стране и применив *open mind approach*, пришли к заключению, что нефть искали не так и не там, где следовало. Уже в 1949 году в десяти километрах от Вены они открыли самое крупное в Австрии нефтегазовое месторождение Матцен, которое стало давать шестьдесят процентов всей добываемой в стране нефти. А вслед за этим обнаружили крупнейшее газовое месторождение Цверндорф, из которого Австрия получает половину всего добываемого газа. В общей сложности за пять лет были выявлены восемь новых месторождений. Столь впечатляющие успехи за короткое время на крохотной территории между Веной и чешской границей, где до этого проводилась интенсивная, но почти безрезультатная разведка, вызвали конфуз и растерянность австрийских и немецких геологов. С тех пор престиж российской школы нефтяной разведки остаётся в Австрии очень высоким. Когда Макс однажды рассказал эту историю Шмуэлю, у него сразу же возникла аналогия с Израилем.

«Теперь я, кажется, знаю, что требуется для открытия у нас месторождений, – сказал он с хитроватым прищуром. – Нужно создать Российское нефтяное управление. А для этого необходима оккупация страны хотя бы на пять лет». Он помолчал и добавил серьёзно: «Впрочем, насколько я знаю, Алекс пытался применить в Израиле этот знаменитый ореп mind prognoach, но его и близко не подпустили к разведочным работам. Мы, слава богу, ещё не оккупированы русскими. Израильские геологи не хотят испытывать конфуз и растерянность, которые постигли их австрийских и немецких коллег. Они предпочитают оставить страну без нефти...»

...Иногда в кабинет Макса по дороге из детского сада заходила Джулия с маленьким рыжеволосым Леопольдом-Оскарсом, который называл себя коротко Лео. Он сразу же начинал носиться по комнате и переворачивать всё, что мог. Устав, он забирался под письменный стол и затихал, устроившись у ног Макса.

...В специально оборудованных комнатах работали операторы. На их компьютеры непрерывно поступала информация из разных стран, где «Дабл Эй» одновременно вела разведку нескольких блоков. Техническое состояние скважин, результаты испытаний, каротажные диаграммы, анализ керна – все эти данные систематизировались и передавались Зигфриду Кляйну, а от него поступали к Максусу. Отдельное крыло занимали мобильные бригады, отбиравшие образцы почвы в районах разведки. Руководил ими Пьер Леже. Никто из сотрудников, включая Кляйна, не имел ни малейшего представления о том, как анализируются образцы и какая информация из них извлекается. Работа была организована так, что каждый знал лишь свой непосредственный участок. И только Максусу был известен весь технологический цикл и ноу-хау.

Аналитические приборы находились в Израиле. В связи с возросшим объёмом работ их количество было сначала удвоено, а затем утроено. Работали на них опытные специалисты под руководством Рахель Франк.

Охрану компании и личную безопасность ведущих сотрудников обеспечивало агентство Давида Бен-Эзры, который создал для этого специальный отдел. Шесть сотрудников отдела во главе с Морисом Шахаром постоянно находились в Банфе.

...Дела «Дабл Эй» шли всё лучше и лучше. Месторождения открывались, продавались, в разведку вводились новые блоки, на которых открывались новые месторождения. Всё это напоминало гигантский хорошо отлаженный конвейер, приносящий огромные прибыли. Макс и Шмуэль регулярно встречались, координировали работу и обсуждали текущие вопросы. Время Золотого Брегета продолжалось...

Такая активность не могла, конечно, ускользнуть от внимания нефтяных компаний. Многие признаки указывали на их возрастающий интерес к «Дабл Эй». Попытки этих компаний установить контакты с её сотрудниками и получить информацию пресекались людьми Мориса Шахара быстро и решительно. У Макса и Шмуэля эти попытки не вызывали особого беспокойства. Они знали, что служба безопасности надёжно прикрывает «Дабл Эй». Но вскоре им пришлось убедиться, что кое-кто имеет в отношении её более серьёзные намерения, выходящие за рамки сбора информации...

Однажды в секретариат компании позвонил незнакомый человек. Он коротко представился: «Салман Асад, Саудовская Аравия». Сказал, что находится в Банфе и хотел бы встретиться с руководителями «Дабл Эй». По времени это совпало, видимо, не случайно, с приездом Шмуэля. Секретарь передала его просьбу Максусу. Посоветовавшись, Макс и Шмуэль назначили встречу на следующее утро.

За десять минут до назначенного времени к офису подъехал лимузин. Из него вышли трое – Салман Асад и сопровождавшие его крепкие молодые люди. Охрана проверила их документы и обыскала. Затем Асада проводили на верхний этаж, в приёмную Макса, а его спутникам было предложено расположиться в вестибюле.

Гость вручил секретарю визитную карточку, которую она тут же отнесла в кабинет. Макс и Шмуэль с удивлением прочитали: «Доктор Салман Асад. Вице-президент Национальной нефтяной компании Саудовской Аравии. Глава группы советников министра нефтяной промышленности шейха Ахмеда Ямани». «Пригласите», – сказал Макс.

В кабинет вошёл высокий, худощавый, элегантно одетый человек с явно европейскими чертами лица. На вид ему было лет шестьдесят.

– Доброе утро, джентльмены, – произнёс он низким приятным голосом. – Вы, вероятно, удивлены моим визитом. Но мир нефтяного бизнеса сегодня очень тесен. Поэтому следует скорее удивляться тому, что мы не встретились раньше.

– Да, мы несколько удивлены, – ответил Шмуэль. – Но поскольку название вашей страны ассоциируется со словом «нефть», то ничего слишком удивительного в этом визите нет.

Асад улыбнулся.

– Прекрасно. Мне бы хотелось с самого начала внести ясность в предстоящую беседу. Прежде чем встретиться с вами, я получил исчерпывающую информацию о вашей компании, о её поразительных успехах и, не буду скрывать, о вас лично, джентльмены. Но вы обо мне ничего не знаете. Это ставит нас в неравное положение. Не в моих правилах вести разговор, зная многое о собеседниках, но оставаясь для них «таинственным незнакомцем». Чтобы устранить это неравенство, я готов ответить на ваши вопросы. Даже вопросы личного характера.

Шмуэль и Макс переглянулись.

– Хорошее начало, – сказал Шмуэль. – Нам оно нравится. Я, пожалуй, начну с вопроса, который покажется вам странным. Среди арабских интеллектуалов из стран Аравийского полуострова порой встречаются люди внешне мало похожие на арабов. Но всё же некоторые черты лица, иногда трудно уловимые, говорят об их происхождении. У вас, мистер Асад, совершенно отсутствуют столь характерные черты уроженца Саудовской Аравии. Чем это можно объяснить? Если считаете вопрос некорректным или неэтичным, можете не отвечать.

– Вопрос вполне корректный и этичный. Я, например, знаю, что вы оба евреи. И полагаю, что вы имеете право знать о моём происхождении. Я мусульманин, но не араб. Мои отец и мать родились в еврейских семьях в Галиции, принадлежавшей тогда Австро-Венгрии. В двадцатых годах они приняли ислам и навсегда связали свою жизнь с мусульманским миром. Я родился в Пакистане, где отец входил в состав высшего руководства страны. Он много лет был Полномочным послом Пакистана в ООН. Затем семья переехала в Саудовскую Аравию, где у отца было много друзей, в том числе члены королевской семьи и шейх Ямани, основатель Национальной нефтяной компании, – всё это Асад рассказывал с подкупающей прямоотой и откровенностью.

– Как звали вашего отца? – спросил Шмуэль.

– Мухаммед Асад.

– Мухаммед Асад? Не он ли автор книги «Принципы мусульманского государства»?

– Да, это его книга. Вы читали её?

– Читал.

– Перу отца принадлежит немало книг. Если помните, в «Принципах» он развивает тезис о глубокой связи между исламом и либеральной демократией.

– Помню. Но не разделяю его.

– Не вы один. У отца было много оппонентов. Особенно среди мусульманских теологов. И всё же я считаю, что в главном он был прав. Ислам в основе своей подлинно демократическое учение.

– Да, история необычная, – подвёл итог Макс. – Возможно, есть некий смысл в шутке американского писателя Бернарда Маламуда, сказавшего как-то, что все

люди евреи, только не все знают об этом... Итак, что свело вместе троих евреев? О чём они собираются говорить?

– Простите, мистер Адлер, но я не еврей. То случайное обстоятельство, что мои отец и мать родились евреями, не делает меня евреем.

– Не хотел вас обидеть.

– Вы совершенно не обидели меня. Поверьте, я рассказал о своём происхождении не для того, чтобы добиться вашего расположения. Вы спросили, я ответил. Не считаю, что должен что-то утаивать. К тому же эта история достаточно известна в мусульманском мире. Если у вас нет других вопросов, джентльмены, я бы хотел перейти к цели моего визита.

– Это нас весьма интересует. Итак, какова же цель? – спросил Макс.

– Мы хотим купить вашу компанию, – спокойно ответил Асад.

– Не больше и не меньше... – произнёс Шмуэль, не скрывая иронии.

– Больше нам не нужно, а меньше нас не устраивает, – Асад сделал вид, что не заметил иронического тона.

– Нам нечего продавать. У нас нет собственности, кроме здания, в котором мы сейчас находимся.

– Да, мы знаем, что ваши акции не продаются на бирже. Тейковер вам не грозит. Поэтому речь идёт о покупке метода, – невозмутимо уточнил Асад.

– Он не имеет цены, – сухо ответил Макс. – Так же как камень Кааба в Мекке.

– Наша стартовая цена два миллиарда долларов, – Асад говорил так, будто пропускал слова собеседников мимо ушей. – Но это не окончательная цифра. Вы можете предложить свою.

– Нам было очень интересно познакомиться с вами, мистер Асад, и узнать необыкновенную историю вашего отца. Но боюсь, вы совершили столь далёкое путешествие напрасно. Метод не продаётся, – твёрдо сказал Шмуэль.

– Не надо торопиться, джентльмены. Первая реакция не всегда правильная. Как я уже сказал, цена открыта для обсуждения. Я остановился в гостинице «Банф спрингс». И намерен пробыть в этих благословенных местах ещё неделю. Позвоните мне, если вам будет что сказать.

– Желаем хорошо провести время, мистер Асад. Спасибо, что посетили нас.

Когда Асад ушёл, Шмуэль взял лист бумаги и написал запрос своему другу в министерстве иностранных дел: «Срочно требуется информация о Мухаммеде Асаде, бывшем после Пакистана в ООН. Вопросы – семья, детство, учёба, карьера, социальный статус и всё остальное, относящееся к его жизни».

– Пусть секретарь отошлёт факс немедленно, – сказал он. – Саудовская нефтяная компания – одна из крупнейших в мире. Не мешает знать родословную её вице-президента более подробно.

Ответ из Тель-Авива пришёл на следующий день. «Мухаммед Асад, имя при рождении Леопольд Вайс. Родился в 1900 году в Лемберге (сейчас Львов), Галиция, тогда часть Австро-Венгрии. Дед Якоб Вайс – ортодоксальный раввин, отец Соломон Вайс – адвокат. Вскоре после рождения Леопольда семья переехала в Вену. Изучал философию и историю искусств в Венском университете. Курс не закончил, занялся журналистикой. Стал широко известен после публикации в 1921 году статьи о подлинных масштабах голода в Поволжье, вызванного большевистским переворотом в России. Материалы для статьи передала ему Екатерина Пешкова, жена писателя Максима Горького, приехавшая в Германию собирать средства для голодающих. Статья произвела сенсацию, и Вайс получил предложения о работе сразу от нескольких крупнейших газет. Принял предложение «Франкфуртер цайтунг». Был послан её корреспондентом на Ближний Восток, где провёл три года. В Палестине разочаровался в сионизме и увлёкся исламом. Объехал все арабские страны, завязав тесные связи с их руководителями и духовными

лидерами, особенно с саудовским королём Абдулом Азизом ибн Саудом. В 1926 году Вайс и его жена Эльза перешли в ислам. Изучал арабский язык в Каирском университете Аль-Азхар. С этого времени Вайс под именем Мухаммед Асад начинает играть заметную роль в мусульманском мире. Был убеждён, что будущее западной цивилизации связано с исламом. В конце сороковых годов возглавил борьбу за отделение мусульманских районов от Индии и разработал правовые основы создания независимого Пакистана. В 1947 году вошёл в состав правящей верхушки страны, а затем стал послом Пакистана в ООН. Был инициатором нескольких антиизраильских резолюций. Ушёл с поста после военного переворота в 1955 году, возглавленного Айюб-ханом, и переехал в Саудовскую Аравию, где занимался нефтяным бизнесом и литературной деятельностью. Его перу принадлежат перевод Корана на английский и ряд философско-религиозных трудов, среди которых наиболее известны «Принципы мусульманского государства», «Дорога в Мекку», «Ранние годы ислама» и автобиография «Возвращение сердца». Умер в 1992 году. Единственный сын Салман занимает руководящий пост в Национальной нефтяной компании Саудовской Аравии. Родители Вайса-Асада, сестра Клара и брат Якоб погибли в лагере смерти Маутхаузен, Австрия».

Шмуэль передал текст Макс.

– Удивительная история, Макс. И тоже начинается в Вене, как и ваша. Что вы думаете обо всём этом?

Макс прочитал сообщение с нескрываемым интересом. Последние слова прозвучали вслух: «Погибли в лагере смерти Маутхаузен».

– Моя семья тоже погибла в Маутхаузене, – сказал он. – Знаете, Шмуэль, а ведь этот Салман Асад и я в некотором роде даже родственники. Его тётя Клара была женой моего дяди Теодора Ландау. Согласно генеалогическому древу, о котором я вам рассказывал, она дочь адвоката Соломона Вайса из Галиции. А Мухаммед Асад его сын. Впрочем, Салман Асад вряд ли знает об этом... Да, какой невероятный культурный, религиозный и идеологический кульбит всего за три поколения – от ортодоксального галицийского раввина до представителя Пакистана в ООН. Признаться, когда вчера я слушал нашего визитёра, то слабо верил в его рассказ. Оказывается, всё правда, всё так и было. Нужно ли придумывать закрученные литературные сюжеты и киносценарии, если самые невероятные истории можно брать из жизни...

– Да, поразительная история. Такие кульбиты обычно заканчиваются выморочными идеями. Только воспалённому воображению прозелита мог померещиться в исламе дух либеральной демократии. Еврейский лжепророк, заблудившийся в мусульманском религиозном болоте. А сколько их заблудилось до и после него в политических дебрях Европы и России... Интересно, что за три года до рождения этого Леопольда-Мухаммеда другой венский журналист, Теодор Герцль, основал политический сионизм и проложил путь к созданию еврейского государства. А его земляк Вайс стоял у колыбели возникшего одновременно с Израилем мусульманского государства – одного из самых сильных и фанатичных. Такие кульбиты свойственны определённой разновидности евреев, обуреваемых патологической страстью лезть в чужие дела. Они несут в себе особый ген-мутант, заставляющий их делать это. А расплачивается весь народ... Сегодня Пакистан – центр исламского фундаментализма и единственная мусульманская страна, обладающая атомной бомбой. Непримируемый враг Израиля. Внук галицийского раввина был его повивальной бабкой. Теперь правнук раввина хочет купить для Саудовской Аравии, другого центра фундаментализма, прямой метод. В нефтяном мире это почти то же, что атомная бомба в мире глобальной политики. Мессиянские метания отца и сына на тупиковых мусульманских дорогах сделали ещё один твист и столкнулись с «Дабл Эй». Вместо наивного соединения ислама с чуждой и эфемерной либеральной демократией Салман Асад решил оснастить его реальным инструментом

для экономической и политической экспансии. Итак, что вы думаете, Макс, об этом предложении?

– Я думаю, у них нет таких денег, за которые можно купить «Дабл Эй». Даже если они превратят в доллар каждую песчинку Аравийской пустыни...

– Ну, это уж чересчур, – рассмеялся Шмуэль. – Впрочем, иногда «чересчур» – это то, что нужно. Мне нравится ваша мысль.

19

Макс отвёз Шмуэля в аэропорт Калгари и возвращался поздно вечером в Банф. Дорога уже вошла в горы, когда вдруг фары его машины высветили старенький «форд» на обочине. Из-под капота валил пар. Рядом стояла молодая женщина в спортивном костюме с дорожной сумкой на плече. Он остановил машину и спросил – не нужна ли помощь?

– Вряд ли вы сможете помочь. Кажется, потерялась крышка радиатора и вода выкипела.

– Куда вы едете? – спросил Макс.

– В Канмор. Это двадцать километров отсюда.

– Садитесь, я подвезу. Я еду в Банф. Канмор как раз на полпути.

– Спасибо. Я только возьму вещи.

Она открыла багажник и вынула чемодан. По тому, как она наклонилась, было видно, что он очень тяжёлый.

– Поставьте на землю. Я помогу, – Макс поднял чемодан. – Что в нём?

– Книги.

Он перенёс чемодан в свой багажник.

– Это всё? Больше ничего не хотите взять?

– Больше ничего.

...Они ехали уже минут пять, но женщина не произнесла ни слова. Макс мельком взглянул на неё – миловидное лицо, большие чёрные глаза, короткая стрижка. Где-то он уже видел её. Но где?

– Вы всегда так молчаливы? – спросил он.

– Извините, я немного устала. И потом, эта неприятность с машиной...

– Да, да. Я понимаю, – он подумал, что вопрос мог показаться грубоватым, и решил разрядить обстановку. – Меня зовут Макс Адлер.

– Очень приятно, мистер Адлер. Мария Фаркаш, – представилась она.

– Фаркаш? Вы из Венгрии?

– Да. Но в Канаде уже два года.

– А что вы делаете в Канморе?

– У меня здесь школа спортивных танцев. Я закончила физкультурный институт в Будапеште, – объяснила она.

Мария поставила сумку на колени и стала что-то искать в ней.

– Что-нибудь потеряли? – спросил Макс.

– Не могу найти косметичку. Наверное, оставила в машине.

– Хотите вернуться?

– Ну, что вы. Такая мелочь.

Подъехали к её дому.

– На каком этаже вы живёте? – спросил Макс.

– На третьем.

– Я донесу чемодан.

– Спасибо, вы очень любезны. Но я справлюсь сама.

– Нет-нет. Он слишком тяжёлый.

Они поднялись на третий этаж.

– Большое спасибо, – сказала Мария. – Я бы с удовольствием пригласила вас на чашку кофе, но у меня не очень убрано.

– Не беспокойтесь, – ответил Макс. – Я спешу. Как-нибудь в другой раз. Доброй ночи.

– Доброй ночи, мистер Адлер.

Он сбежал по лестнице, сел в машину и продолжил путь в Банф. Уже дома, въехав в гараж, Макс случайно бросил взгляд на пол перед соседним сиденьем и увидел маленькую жёлтую сумочку. Это была та самая косметичка, которую искала его пассажирка. Он открыл её. Содержимое было обычное – губная помада, пудреница, разная косметика. В маленьком внутреннем карманчике лежали сто долларов и несколько визитных карточек. Он вынул одну и прочитал: «Мария Фаркаш. Школа спортивных танцев. Адрес, телефон».

Макс задумчиво вертел в руках косметичку. Потом поднял глаза, посмотрел на портреты напротив и спросил вслух: «Что вы думаете об этом, ребята?» Алекс и Андрей молча смотрели на него. Не дождавшись ответа, снял телефонную трубку и набрал номер.

– Доброе утро, Морис. Зайди ко мне. И захвати свой отчёт по расследованию австралийских событий.

За минувшие три года Макс заметно изменился. Если раньше конфликты, в которых ему приходилось участвовать, касались только его самого, то теперь ставки были другие. По мере погружения в мир большого бизнеса он всё яснее понимал, что великодушие, мягкость и склонность к прощению – наказуемы и угрожают существованию компании. Да и в личном плане ситуация отныне была не такая, как прежде. Теперь удар по нему означал удар по Джулии и маленькому Лео, который стал смыслом его жизни, продолжателем рода. Это сделало Макса жёстким, готовым решительно и без промедления реагировать на угрозу. В минуту опасности он теперь становился всё больше похожим на Шмуэля – холодный взгляд, собранность, чёткие распоряжения...

Морис вошёл в кабинет через несколько минут. В руках у него была толстая папка. Он вынул из неё отчёт и положил на стол.

– Садись, Морис. А я пока посмотрю кое-что, – сказал Макс.

Он прочитал несколько страниц и поднял голову.

– Как же всё-таки решился вопрос с Рональдом Кларком? Вы нашли его?

– Мы узнали, что он в Бразилии. Но когда наши люди прибыли туда, его уже не было. В Лондон он не вернулся.

– Понятно.

Макс вынул из карманчика на внутренней стороне обложки газету «Лонгрич Ньюс». В ней было интервью с Юдит Добос и фотография. Большие чёрные глаза, короткая стрижка...

– Ещё вопрос. Напомни, пожалуйста, почему эта Мата Хари привлекла твоё внимание?

– Нашёлся человек, который видел её в машине доктора Франка незадолго до похищения. Кроме того, клерк из «Козерога» рассказал, что она ночевала в гостинице накануне вылета группы в Перт. Это было подтверждено записью в книге регистрации. Но мы не смогли найти её. Исчезла бесследно.

– Она не исчезла, – задумчиво произнёс Макс.

Он подробно рассказал о вчерашней встрече на дороге и заключил: «Судя по фотографии, Фаркаш и Добос – одно лицо». Затем протянул Морису косметичку и визитную карточку.

– Займись этим, Морис, – голос Макса был жёстким, и глава службы безопасности уловил это.

– «Школа спортивных танцев», – прочитал он. – В Лонгриче была школа аэробики. Как говорил мой инструктор, шаблон врага – твой лучший друг... Если это действительно она, то напрашиваются три вывода. Во-первых, ваш маршрут, мистер Адлер, и время поездки отслеживались, а неисправность машины инсценирована. Во-вторых, тяжёлый чемодан потребовался для того, чтобы вы, как джентльмен, донесли его до двери. Если бы проявили настойчивость, то могли получить приглашение на чашку кофе. И в-третьих, если бы чашка кофе не состоялась, то должны сработать сто долларов. Они обязывают вас приехать и вернуть косметику. План хитроумный, но дилетантский. Как бы то ни было, мистер Адлер, с сегодняшнего дня вы и ваша семья будете находиться под постоянной охраной. Это приказ. А со школой спортивных танцев мы разберёмся...

– Ну, что ж. Приказ есть приказ, – Макс улыбнулся.

«Судя по австралийским событиям, эти спортивные танцы не столь забавны и безобидны, как церемонные восточные телодвижения Салмана Асада, размахивающего чековой книжкой», – подумал он и вспомнил слова Шмуэля: «У нас нет права на ещё одну ошибку».

20

...До наступления третьего тысячелетия оставалось около полугода. В небольшой городок Котал у подножья Гималаев на пакистано-афганской границе съехались несколько десятков человек. Они прибыли со всех концов мусульманского мира. И хотя одни из них были богатыми бизнесменами, а другие занимали высокое положение в своих странах, на пыльной площади перед неприметным зданием медресе, в котором они собрались, не было ни лимузинов, ни дорогих машин. Здесь стояли только старые обшарпанные джипы и такие же выдавшие виды легковые автомобили. Подстать машинам была и одежда прибывших. Посторонний наблюдатель мог бы принять их за торговцев средней руки или контрабандистов, переправляющих через границу наркотики и оружие.

Когда все поднялись в зал на верхнем этаже, наступило время второго салата⁹. В этот момент через незаметную боковую дверь рядом с михрабом¹⁰ вошёл худощавый высокого роста человек лет пятидесяти. Одет он был в длинную светлосерую галабию, под которой виднелась рубашка цвета хаки. На узком лице с усами и аккуратной длинной бородкой выделялись большие печальные глаза и крупные чувственные губы. На голове его был белый тюрбан. Облик и одежда выдавали в нём уроженца Аравийского полуострова. Взгляды присутствующих сразу же обратились к нему. Вошедший застенчиво улыбнулся и жестом пригласил собравшихся приступить к салату. Он расстелил маленький коврик, опустился на него и провёл ладонями по лицу. Все сделали то же самое.

По окончании молитвы охранники убрали коврики и расставили рядами стулья, стоявшие до этого вдоль стен. Затем они вышли и плотно закрыли за собой двери. Помещение превратилось в небольшой зал заседаний. На возвышении около михраба установили простой стол, и три человека, включая «аравийца», сели за него. Один из них взял микрофон, поблагодарил собравшихся за то, что они проделали такой далёкий трудный путь, и предоставил слово главе Аль-Каэды Усае Бин-Ладену. «Аравиец» подошёл к трибуне.

– Уважаемые братья, – начал он тихим ровным голосом, – вы все знаете, с какой целью руководство нашей организации пригласило вас в это место, удалённое от глаз тех, кто не должен знать о наших планах. Наступает третье тысячелетие

⁹Пятикратная ежедневная молитва, арабск.; на фарси – намаз.

¹⁰Специальная ниша для молитвы.

христианской эры. Для нас, мусульман, эта дата не имеет никакого значения – ни исторического, ни календарного, ни символического. Мы живём в 1378 году хиджры¹¹. И это единственное истинное летоисчисление, установленное пророком Мухаммедом по воле Аллаха. Поэтому если третье тысячелетие что-то и символизирует, то только прогрессирующее одряхление так называемой западной цивилизации, по сравнению с которой наша религия и культура моложе почти в два раза. И, соответственно, у нас во много раз больше жизненных сил и веры в то, что будущее принадлежит исламу, а не погрязшему в пороках альянсу Запада с сионизмом. Но посмотрим правде в глаза, братья. Это будущее может оказаться очень далёким, если мы не приблизим его с помощью джихада, завещанного нам пророком. Уклонение от джихада под разными предлогами – это самый большой грех перед Аллахом, особенно в свете следующего важного обстоятельства. Если для нас, как я уже сказал, первый год нового тысячелетия – это всего лишь еще один год хиджры, то подверженный нелепым страхам и суевериям Запад готовится чуть ли не к концу света. Бесчисленные предсказатели и аналитики запугивают природными и техногенными катастрофами, эпидемиями, новыми, неизвестными ранее, болезнями. Нашлись даже специалисты, заявляющие о предстоящем коллапсе глобальной сети Интернета. Всё это делает ближайший год, с точки зрения психологического эффекта, исключительно благоприятным для крупномасштабной операции. Таковы общие положения. Теперь о конкретных планах. Некоторое время назад Аль-Каэда ознакомил вас со своей стратегической концепцией. Она заключается в нанесении внезапных сокрушительных ударов по наиболее важным и уязвимым объектам экономической, социальной и военной инфраструктуры Запада. Руководство организации приняло принципиальное решение, что первый удар будет нанесён 11 сентября, когда пророк Мухаммед прибыл в Медину и возвестил начало эры хиджра. Аллаху угодно, чтобы сентябрь 2001 года стал началом эры глобального джихада. Какова ваша роль, братья, в этих планах? Не секрет, что мы не смогли прийти к единому мнению относительно главного объекта для удара. Поэтому год назад мы обратились к вам, уважаемые спонсоры, с просьбой помочь в выборе такого объекта. Наша аналитическая группа рассмотрела все поступившие предложения. Одно из них признано наиболее серьёзным и перспективным, поднимающим планку борьбы с Западом на новый уровень. Отныне все наши усилия сосредоточены на его детальной разработке. Автор этого замечательного предложения находится в зале (Усама едва заметен кивнул кому-то во втором ряду), и я хочу особо поблагодарить его. Считаю долгом выразить признательность и другим авторам, чьи рекомендации мы получили. К сожалению, не все поняли наше обращение правильно. Например, алжирские братья предлагают разрушить Эйфелеву башню. Они не учитывают, что совсем скоро этот символ Франции станет высочайшим в мире минаретом и укажет Европе путь к исламу. Некоторые другие братья решили, что с нашей помощью они могут устранить своих западных конкурентов и внесли весьма курьёзные, чтобы не сказать смехотворные, предложения. Так, некая уважаемая фирма по производству ковров, оказывающая нам посильную финансовую поддержку, предлагает взорвать несколько ковровых фабрик в Европе (в зале раздался общий смех). Недалеко ушла от неё и одна уважаемая нефтяная компания, которая желает разделаться с какой-то еврейской нефтяной фирмой (при этих словах Салман Асад, сидевший в первом ряду, бросил на Бин-Ладена презрительный взгляд. «Усама остался таким же надутым болваном, каким был всегда», – мысленно отметил он). Но некоторые предложения нас заинтересовали как возможные объекты второй и третьей

¹¹ 11 сентября 622 года Мухаммед прибыл в Медину из враждебной Мекки. Эта дата считается началом мусульманской эры хиджра.

очереди. В ближайшее время мы обсудим их в рабочем порядке. Что касается других рекомендаций, то авторы приглашаются ещё раз разъяснить свою позицию. Мы их внимательно слушаем. Нельзя исключить, что мы чего-то не поняли. Ведь мы всего лишь скромные воины Аллаха, а не мудрецы или учёные, – Усама печально улыбнулся.

Когда Бин-Ладен покинул трибуну, Салман Асад подошёл к нему.

– Усама, ты в самом деле не мудрец. Как у тебя хватило ума поставить наше предложение в один ряд с просьбой этого ковровщика? Как ты можешь сравнивать нефть, наше главное оружие, с коврами? Я хочу серьёзно поговорить с тобой и с членами этой твоей аналитической группы.

– Хорошо, уважаемый Салман. Мы можем ещё раз обсудить твоё предложение. И прошу тебя – не обижайся. Меня завалили этими так называемыми проектами. Если бы верблюд моего дедушки увидел некоторые из них, он бы умер от смеха.

После обеда человек Бин-Ладена приехал за Асадом и отвёз его в маленький ничем не примечательный домик на окраине городка, у въезда в Хиберское ущелье. Там уже собралась вся аналитическая группа из семи человек. Среди них были специалисты по строительству и эксплуатации высотных зданий, эксперты по городской инфраструктуре, экономисты, психологи. Один из аналитиков, представленный Асаду как эксперт по баллистике и направленным взрывам, оказался, к его удивлению, голубоглазым блондином лет сорока, с внешностью профессора. Асад обратил внимание на едва заметную ироническую улыбку, которая появилась на его лице, когда кто-то произнёс слова «по воле Аллаха». Тем не менее было очевидно, что Бин-Ладен относится к нему с большим уважением и доверяет не меньше, чем остальным членам группы.

Асад начал с того, что объяснил собравшимся значение нефти в мировой экономике и политике. Он приводил цифры, ссылаясь на исторические примеры, когда Германия и Япония проиграли войну из-за отсутствия этого стратегического сырья, напомнил недавние события, связанные с Кувейтом и Ираком.

– В мире нет ничего важнее нефти, – продолжал он. – По воле Аллаха мы обладаем огромными запасами её и можем диктовать цены на мировом рынке. Но с годами поиски новых месторождений становятся всё труднее и дороже. И вот появляется какая-то ранее не известная фирма, принадлежащая двум евреям, которые изобрели новый исключительно дешёвый метод обнаружения нефти. Пока они используют его только для себя. Но история учит, что такие фундаментальные изобретения не могут долго оставаться тайной. Недалеко время, когда этот метод станет достоянием всех нефтяных компаний, и тогда цена на нефть резко упадёт. Это отразится не только на наших доходах, но и на финансовой помощи, которую получает Аль-Каэда. В современном мире, братья, всё взаимосвязано, и ваши интересы неотделимы от наших. Мы попытались купить изобретение, предложили хорошую цену. Но натолкнулись на решительный отказ. Владельцы фирмы даже не пожелали обсуждать сделку. Поэтому руководство компании возлагает решение проблемы на тебя, Усама, и на твою организацию.

– Мы с большим вниманием выслушали тебя, уважаемый Салман. И не можем не согласиться, что нефть, дарованная нам Аллахом, имеет важное значение для джихада. Запад платит нам за нее мизерную цену. Это величайший грабёж за всю историю человечества. Придет время – и мы сокрушим Америку и Европу с ее помощью. Но цель нашей первой крупномасштабной акции не только военная или экономическая. Прежде всего она психологическая. И если мы направим её против этой малоизвестной фирмы, о которой ты говоришь, то о психологическом эффекте можно забыть. Сожалею, уважаемый Салман, но мы не можем не учитывать это. Почему бы тебе не обратиться к палестинским братьям? Они с радостью сделают эту работу. И вам она обойдётся дешевле. Но если ты всё-таки настаива-

ешь, чтобы её выполнила Аль-Каэда, то мы можем включить эту еврейскую фирму в наш общий список объектов и заняться ею в порядке очерёдности.

– Мы платим тебе, Усама, а не палестинцам. И требуем выполнения обязательств, взятых на себя Аль-Каэдой. Очерёдность объектов меня не интересует. Это ваши внутренние бюрократические игры. Работа должна быть сделана.

– Хорошо, уважаемый Салман. Мы снова обсудим твоё предложение. Время ещё есть. Аллах акбар!

– Аллах акбар! – ответил Асад. – А сейчас меня ждёт вертолёт. Распорядись, Усама, насчёт машины.

После ухода Асада раздалась негодующие возгласы. Присутствующие были задеты и даже оскорблены не только его требованием, но и тоном, которым он разговаривал с Усамой. Наконец Бин-Ладен призвал к тишине.

– Этот еврей считает, что за деньги можно купить всё – нефть, кровь шахидов и даже акции джихада, – сказал он раздражённо. – Он думает, что если даёт деньги, то может приказывать тем, чьи деды водили верблюжьи караваны по священной Аравийской пустыне. Но он ошибается. Омар, как проходит подготовка операции «Хиджра» в Нью-Йорке и Вашингтоне?

– Всё идёт по плану, уважаемый Усама. Шахиды уже закончили курсы пилотов и заняты изучением маршрутов и расписания полётов на внутренних авиалиниях.

– Если Аллаху будет угодно... – смиренно произнёс Бин-Ладен и молитвенно сложил ладони.

– Да будет Аллаху угодно! – уверенно воскликнул шейх Омар. – Аллах акбар!

– Аллах акбар! – ответили аналитики.

В этот момент голубоглазый блондин многозначительно кашлянул. Бин-Ладен это заметил.

– Вы хотите что-то сказать, уважаемый профессор? – спросил он.

– Да, если позволите, уважаемый Усама. Я не ставлю под сомнение необходимость операции «Хиджра», но вместе с тем полагаю, что к предложению мистера Асада также следует отнестись со всей серьёзностью. В будущем именно оно может способствовать превращению нефти в ваше главное стратегическое оружие, о чем вы сами упомянули в разговоре с ним. Поэтому было бы разумным помочь ему овладеть методом, о котором он говорил.

Бин-Ладен посмотрел на профессора с неожиданным интересом.

– Вы так думаете? В таком случае не могли бы вы изложить свою мысль более подробно в письменном виде?

– С удовольствием, уважаемый Усама. Но для этого мне необходимо встретиться с мистером Асадом.

– Хорошо. У меня нет возражений.

Август, 2003 г. Иерусалим